

Кир Булычев

На полпути с обрыва

ИнтерГпол

Кир Булычев

На полпути с обрыва

«ЭКСМО»

1994

Булычев К.

На полпути с обрыва / К. Булычев — «Эксмо»,
1994 — (ИнтерГпол)

Эту книгу сам Кир Булычев называл самым смешным своим сериалом!..Как вы полагаете, в кого превратилась бы выросшая Алиса? Более или менее – в героиню "Галактической полиции". И – скорее более, чем менее.И вот – перед читателем приключения галактической полис-леди. Приключения озорные, опасные и искрометно-забавные. Такие, какие может создать только блистательное воображение нестареющей Кира Булычева.

© Булычев К., 1994

© Эксмо, 1994

Кир Булычев

На полпути с обрыва

Кора и Вероника были центром компании. Другие девушки там не прижились, если не считать Кломдидиди, покрытой тонкой короткой зеленой шерстью, нежной и робкой подруги охотника Гранта. Почему они прибились к компании, никто не понимал, а сам Грант объяснял одним словом: «Стая».

Кора и Вероника были похожи почти как близнецы, только Вероника – брюнетка, а Кора – светло-русая, хоть и с темными бровями. А глаза у подруг были одинаково синими.

Кора привезла с собой черный парик, а Вероника – русый. Когда было выгодно, они пользовались париками, то становясь неразличимыми, то заменяя одна другую на роковых встречах или просто свиданиях. Результаты бывали непредсказуемыми.

Но лето выдалось веселым и настроение под стать ему.

Сессию подруги сдали удачно, романы и переживания оказались в прошлом, здоровье и красоту у них никто не мог бы отнять, судьбы человечества их не интересовали. Пускай человечество само разбирается со своими судьбами.

Еще в мае, сдав историю искусств, они решили, что улетят в Крым, в Ялту или Коктебель и ровно месяц будут сладко бездельничать, по возможности не отходя от моря.

И никто им не будет нужен, ни один мужчина, ни один мальчишка, ни один тридцатилетний старикашка. Истинным валькириям нужна тишина и свобода.

Тишина и свобода, которыми девушки пользовались первые три дня, на четвертый день им страшно надоели. За свободу приходилось отчаянно бороться, а тишина давила на уши.

Девушки пожертвовали тишиной и свободой, получив взамен королевские привилегии в небольшом изысканном обществе, которым себя окружили.

Общество состояло из двух поэтов, живших в палатке у скалы Дева, композитора-песенника Миши Гофмана, инженера-авиатора по имени Всеволод и охотника Гранта в сопровождении хрупкой возлюбленной Кломдидиди, покрытой зеленой шерстью. Гофман присоединился последним, он был толстеньким, рыжим, зеленоглазым, с проблемами в личной жизни.

Члены компании жили в разных концах мирного, сонного Симеиза и встречались после завтрака на узком, заваленном каменными глыбами, но тем не менее уютном пляже, в конце которого сахарной головой возвышалась скала Дева, куда можно было подняться по бесконечной лестнице, круто выбитой в камне, а местами нависающей над пропастью.

В зависимости от настроения или каприза длинноногих повелительниц Симеиза пребывание на пляже могло быть заменено морской прогулкой в Алупку, поездкой за кумысом, походом за грибами или даже этюдами. Правда, на этюды ходили лишь дважды, когда был шторм на море, а хотелось показать спутникам и поклонникам, что современная женщина представляет не только физическую ценность. Обе красавицы были надеждой русской архитектуры и не намеревались это таить.

Июль выдался непостоянным, капризным, порой набегали облака, и весь день моросил теплый ленивый дождик, порой поднимался бурный ветер и зеленые, почти горячие волны накатывались на камни пляжа, порой вдруг устанавливалась ангельская погода, когда температура воздуха поднималась до библейских высот и даже ночью хотелось нырнуть в родничок, что журчал в скалах над повисшим на крутом склоне домом дамы Тамары Ивановны, которая сдавала подругам домик в вишневых зарослях.

Но в день, когда начинается это повествование, было умеренно жарко и умеренно ветрено. Так что даже можно было поиграть в нижнем парке в волейбол и потом охладить в море разгоряченные тела.

Кора уговаривала залезть в воду зелененькую возлюбленную охотника Гранта, но та, как смогла, объяснила Коре, что вчера видела в воде медузу, которая показалась ей невероятно страшным и отвратительным зверем. У возлюбленной был широкий вздернутый носик, большой губастый рот и желтые глаза. Шерстка на лице была нежной, как пушок, но на спине и руках становилась гуще и длинней. Ее было приятно гладить. Кломдидиди начинала по-кошачьи мурлыкать, нежась от такой ласки, а охотник Грант говорил:

– Хватит, хватит, вы мне ее совсем избалуете!

Он был длинным, сутулым, жилистым мужчиной, на лице и на плечах розовели проплешины молодой кожи после недавних ожогов. Грант говорил, что попал в лесной пожар. Может быть... но девушкам хотелось представлять себе более драматическую причину ожогов, например, след дыхания дракона.

Инженер-авиатор Всеволод Той сидел на плоском камне у воды, опустил босые ноги, и когда волна, подкатившись, гладила их пеной, блаженно улыбался, как кот. Вообще-то он был крепким человеком с покатыми тяжелыми плечами и мускулистыми ногами. Его лицо не соответствовало могучему телу – редкие брови были нарисованы природой слишком высоко над глазами, отчего он казался растерянным. Хотя был вполне в себе уверен.

Инженер читал большую старинную книгу, которую заказал вчера в ялтинской библиотеке.

В Ялте и иных городках по побережью жило немало пенсионеров, сохранивших сентиментальную склонность к книгам. Может быть, такой пенсионер всю свою жизнь провел у дисплея и читал только с экрана, но, приехав в тихую обитель, он заказывая в библиотеке копии старых книг и гулял по набережной с настоящей книгой под мышкой.

Вот и инженер, хоть не был еще пенсионером, но приближался к роковому, с точки зрения девушек, тридцатилетнему возрасту, заказал в библиотеке копию труда издания 1889 года «Археологические загадки Крыма», принадлежавшего перу господина Сладковского.

– Ах, – произносил инженер, ознакомившись с очередной загадкой, – вы не представляете!

Возглас этот ни к кому не обращался, потому что в такую погоду никому и дела не было до древних крымских загадок.

Сам Всеволод занимался изобретением и конструированием самых маленьких летательных аппаратов, тех, что могли подняться в воздух с помощью мускульной силы человека. Это были махолеты, птицелеты и подобные им хрупкие, как правило, сооружения стрекозино вида. Инженер пообещал в ближайшие дни показать в действии свой новый аппарат, но ждал, пока его перешлют в сложенном виде из Коктебеля.

Так что пока он сидел у моря, касался пальцами ног теплых волн и читал тоскливую, с точки зрения спутников, книгу.

Поэтов звали Карик и Валик. Наверное, когда-то было кино или стихи про Карика и Валика, только первоисточник забылся, а аналогии остались. Поэты были худосочны, коротко острижены по моде, ходили в длинных полосатых шортах, именовали друг друга милостивыми государями и настолько были заняты собственными переживаниями и собственным творчеством, что опасности для дам даже в темное время суток не представляли.

Главную опасность для девиц представлял композитор-песенник Миша Гофман, который не столько сочинял новые песни, как напевал всем свои старые, с его точки зрения, известные и любимые произведения. Он был невероятной подвижности, толстым, рыжим и с рыжими веснушками. И ручки у него были короткие и загорелые, а пальчики совсем маленькие, но очень шустрые, и казалось, что ручек, а тем более пальчиков у него несколько десятков, потому что стоило скинуть с плеча или коленки одну ручку, на ее месте появлялось еще штук пять, и все цепкие. Притом композитор тонко хохотал. Миша был старым, даже старше тридцати. Но его держали в компании, потому что он был очень своим, знал массу веселых историй,

со всеми был знаком и мог провести в ресторан или на концерт даже тогда, когда там не было ни одного свободного места.

– Любопытно, – сказал Всеволод, утыкая палец в страницу книги. – Здесь рассказывается о наших местах.

– Почитай вслух, – попросила Вероника, которой инженер очень нравился, потому что был суров, задумчив и очень умен. К тому же у него была красивая фигура и он мог заплывать за горизонт. Вероника дожидаться не могла, когда он наконец начнет испытывать свой махолет, и заручилась его обещанием дать ей попробовать подняться в небо.

– Ты уже готова в него влюбиться, – с осуждением предупредила ее Кора прошлым вечером.

– Тебе он не нравится?

– Мне он нравится.

– Больше, чем надо?

– Вероника, мы же хотели провести месяц без личных переживаний! – возмутилась Кора. – Я знаю, чем это кончится через три дня. Окажется, что он недостаточно в тебя влюблен, посмотрел не тем взглядом на нудистку на соседнем пляже, читает, когда тебе хочется с ним обниматься, вообще женат и любит своих детей.

– Он женат? – в ужасе спросила Вероника, которая только эти слова и выловила из краткого монолога подружки.

– Он не женат, но это не меняет дела, потому что ты отыщешь другой повод пострадать.

– Зачем же мне страдать, если он не женат? – удивилась Вероника. Это означало, что она уже начала влюбляться в инженера-авиатора и скоро их мирной жизни подойдет конец. Композитор-песенник вызовет инженера на дуэль, кто-нибудь из поэтов покончит с собой, охотник Грант утопит свою зеленую возлюбленную, и начнутся иные катаклизмы.

Ничего не подозревавший инженер, которому, как казалось Коре, куда больше нравилась она, нежели ее подруга, начал читать вслух, чуть повышая голос, когда волна набегала на берег и, шурша по гальке, уползала обратно.

– ...Некогда, – читал он, – скала Дева имела иную форму, нежели сегодня, и представляла собой завершение каменного гребня, берущего начало у нынешней нижней дороги. Там, где гребень скалы вливался в материк, располагалась прибрежная крепость, построенная еще до появления здесь древних греков дикими племенами тавров, обитавших на побережье Крыма. Крепость эта хоть и отличалась небольшими размерами и может именоваться скорее форпостом или наблюдательным пунктом, играла немалую роль в обороне полуострова...

Кора подняла голову, мысленно проводя линию от вершины скалы Дева в сторону берега. Инженер Всеволод, словно угадав ее мысли, заложил пальцем страницу и произнес:

– Это недалеко отсюда, надо будет обязательно сходить и посмотреть, что от нее осталось.

Далеко не все подданные королевства Вероники и Кору были покорными и заинтересованными слушателями Всеволода. Миша Гофман гулял довольно далеко, разыскивая в гальке выброшенные ночным штормом прозрачные камешки. Поэты, хоть и сидели рядом, играли в шахматы и вряд ли прислушивались, охотник Грант стоял у самой воды и вглядывался в горизонт. Покрытая шерстью Кломдидиди сидела у его ног, обняв руками шерстяные колени, и тоже вглядывалась в горизонт. Вероника дремала у ног Кору, подставив спину солнцу и накрыв голову бумажной шляпой. И неясно было, слушает ли она чтение или мысленно целуется с чтецом.

– Продолжайте, – милостиво повелела Кора, и инженер послушно в путь побег.

– Из этой крепости стражи видели первые греческие корабли, что медленно плыли на север, к таинственным гипербореям, всматривались в потрепанный парус «Арго», на котором прекрасная Медея убила своего брата...

Вероника услышала последнюю фразу и спросила:

– Зачем она убила своего брата?

Инженер смеялся, но охотник Грант неожиданно откликнулся:

– Чтобы папа не догнал ее драгоценного Ясона.

Все удовлетворились пояснением Гранта, и инженер продолжал чтение:

– Форпост заглох в период упадка Боспорского царства, но был восстановлен крымскими готами. С этой крепостью связана малоизвестная крымская легенда, берущая начало еще в Средние века. В ней говорится о том, как прекрасная дочь местного царька долгие месяцы ждала своего суженого, отправившегося за море добывать воинскую славу. И вот его корабль появился на горизонте. Не в силах более ждать, принцесса разбежалась и кинулась с головокружительного обрыва в море, но не разбилась, а превратилась в белую чайку.

На этом легенда закончилась, и было непонятно, что же случилось дальше.

– Наверное, этот самый жених, – сказала Вероника, садясь, – погиб. Она потому и прыгнула.

– Аналогия со смертью царя Эгея, именем которого названо Эгейское море, – сообщил охотник Грант. Все обернулись к нему, ожидая разъяснений. По молчанию Грант догадался, чего от него ожидают, и продолжал: – Его сын Тесея плывал на Крит и убил там Минотавра. Помните про нить Ариадны?

Все согласно закивали, даже зеленая Кломдидиди, которая наверняка не знала о нити Ариадны.

– У них была договоренность, – сказал охотник, – если операция удалась, то корабль Тесея поднимет белый парус, а если Минотавр забодает Тесея, то парус должен быть черным! На радостях молодежь, которая плыла с Тесеем, перепутала паруса, а может, и вовсе забыла о договоре – папа увидел с высокого берега черный парус и кинулся с обрыва.

– Ты думаешь, что у того жениха тоже был черный парус? – спросила Вероника.

Охотник не ответил. Но Вероника завершила свою мысль так:

– Не исключено, что в словах Гранта есть доля здравого смысла. Иначе зачем здоровой молодой девушке бросаться со скалы?

Вероника была отстающей студенткой и не ладила с литературой, но любила говорить изысканно и учено.

Инженер Всеволод с долей иронии поглядывал на хорошенькую синеглазую брюнетку, и та, перехватив его взгляд, зарделась. Ее тонкая белая кожа легко покрывалась румянцем – загореть же она еще не успела, да к тому же такая кожа плохо поддается загару.

– Вы что-то хотели сказать? – спросила она.

– Нет, – коротко ответил инженер и вновь углубился в чтение.

* * *

После обеда, который вкушали все вместе в молочном кафе над пристанью, они отправились на площадку за скалой Дева, где должны были находиться остатки форпоста или крепости, откуда кидалась в воду, превращаясь в птицу, несчастная девица. Подъем был пологим, незаметным, жару разгонял легкий ветер, который скатывался с гор, донося тонкие пронзительные переклики скалолазов, которые тренировались на обрывах.

Вероника отстала и потянула за собой Кору. И хоть мужчины приостановились, ожидая их, Вероника замахала им: идите, мол, дальше, вы нам не нужны. Кора подумала, как они сильно изменились с Вероникой с той поры, как обе жили в приюте для галактических найденшей на Детском острове. Теперь Вероника стала...

Кора не успела додумать, кем стала Вероника, потому что Вероника сама заговорила именно на эту тему.

– Как ты думаешь, – спросила она подругу, упершись ей в лицо синими глазами, – тебе не трудно будет, так, между прочим, в разговоре, сказать ему, что у меня есть дворец в Люксембурге? Так, между прочим...

– Влюбляешься? – спросила Кора.

– Хочу, чтобы он ответил мне взаимностью, прежде чем ты его соблазнишь, – ответила подруга. – Я боюсь, что он меня не принимает всерьез.

– И ты решила, что если он узнает, что ты – первая невеста Марса, он сразу в тебя влюбится?

– Любовь – это чувство, – разъяснила Вероника, – и его не купишь. Я это проходила. Но удивить мужчину богатством можно.

– Удиви композитора Мишу, он любит дворцы в Люксембурге, – посоветовала Кора. – Со Всеволодом этот номер не пройдет, поверь моему жизненному опыту.

– Он у нас одинаковый, – заявила Вероника.

От основной дороги оторвалась тропинка, которая повела между скал, поросших дикой вишней и акацией, налево, к обрыву над морем.

– Мы правильно идем? – спросил рыжий композитор, который ненавидел пешие прогулки.

– Должно быть близко, – ответил поэт Карик, державший в руке планшет с наклеенной на него схемой из путеводителя. Конечно же, можно было искать крепость более цивилизованными методами, но если ты романтик, то не будешь вызывать летающий глаз из ялтинского информатория.

В кустах жужжали пчелы, шмель вылетел подобно пуле навстречу Веронике, она кинулась на шею инженеру Всеволоду, но промахнулась. Кора оценила элегантную ловкость, с которой инженер произвел этот маневр и удержал девицу на вытянутой руке.

– Он очень грубый, – сказала Вероника, приблизившись снова к Коре. – Погляди, какие обезьяньи губы. И ноздри как у лошади. Мне кажется, что он по ночам страшно храпит.

Тропинка вывела их на обрыв – никакого форпоста не оказалось. Были лишь кусты, которые расступились, обнаружив старую железную скамейку, на которой сидела старушка и вязала. Правда, вид оттуда открывался изумительный: море поднималось до уровня глаз, но начиналось в невероятной глубине под ногами. Оно меняло цвет от серо-синего до серебряного и на горизонте сливалось с таким же серебряным небом. По этой почти невидимой границе полз прогулочный пароходик.

Компания стала бурно изъяслять разочарование тем, что никакого форпоста они не обнаружили. Претензии обращены были к инженеру Всеволоду, и громче всех их высказывала разочарованная в нем Вероника. Кора вздохнула: по многолетнему опыту дружбы с Вероникой она знала, что такое шумное и резкое неприятие мужчины означает, что Вероника в него уже втюрилась.

– Вы ищете Птичью крепость? – спросила бабушка в черном платье, отрываясь от вязания. – Давайте я вам ее покажу.

Она легко поднялась с лавочки, и никто ее не останавливал, не возражал.

– Я – местный мельник, – сообщила бабушка. – Мои предки жили в Феодосии. Теперь я на пенсии и работаю наблюдателем за птицами. Отсюда удобно наблюдать за птицами.

Бабушка показала на оставленный на скамейке прибор.

– Я фиксирую полеты членов птичьих семей, – сказала она. – Меня интересуют сухопутные хищники. Морскими птицами занимается мой коллега капитан Громобой. Во-он там.

Она показала вниз, и все увидели маленькую шляпку – как соринку в глазу моря.

– Капитан фиксирует чаек и бакланов.

– А они вас знают? – спросил охотник Грант.

Кора увидела, как сжался его кулак. Охотник ничего не мог с собой поделать – ему хотелось стрелять в птиц. Еще вчера композитор Миша сплетничал, что охотник Грант в порыве страсти перебил всех родственников своей Кломдидиди и, только когда она прибежала их оплакивать, догадался, что уничтожил целое разумное племя. И его любовь к зеленой девушке была вызвана раскаянием и надеждой, что она родит от него новое поколение своих единоплеменников и таким образом он хоть в малой степени загладит экологическое преступление.

Бабушка провела примолкшую почему-то компанию назад по тропинке и показала узкий проход между пышными кустами акации. И когда они миновали этот проход, то оказались в узком коридоре, образованном стенами, сложенными из грубо отесанных каменных плит, – оказалось, что это ворота в Птичью крепость.

Сама крепость была не похожа на крепость – это была пыльная каменная площадка размером с трехкомнатную квартиру, с разрушенными лентами каменных фундаментов. Со стороны, обращенной к морю, сохранился угол стены по грудь человеку и перед ним – неглубокая яма, из которой косо торчали две каменные плиты. Вот, пожалуй, и все.

Старушка словно почувствовала вину за ничтожество таинственной крепости, стала быстро говорить, что в окрестных кустах можно отыскать еще плиты, потому что сама крепость была куда больше размером, и еще в начале двадцатого века сохранялся нижний этаж одной из двух ее башен. Но никто не хотел лезть в кусты в поисках плит и башен, все сгрудилось в углу крепости, глядя на небо и море, а бабушка все еще продолжала оправдывать крепость, сообщила, что с ней связано несколько легенд, которые как одна свидетельствуют об исчезновении людей.

– Знаем, – сказала Вероника, не сводя пристального взгляда с инженера Всеволода, – про княжну Ярославну на городской стене в Путивле, которая ждала князя Игоря, не дождалась, прыгнула вниз и улетела в виде вороны.

– Очень похоже на фольклор, – улыбнулась старушка, – к тому же это говорит о вашей начитанности.

– А что? – насторожилась Вероника, которая всегда боялась, что ее малое знание русской литературы будет поставлено кем-то под сомнение.

– Я могу привести еще два или три случая такого рода. Впрочем, они описаны в книге, которую ваш друг так осторожно держит под мышкой. Вы ее в Ялте заказывали?

– Да, – сказал инженер.

– Очень неплохая книга. В то время, когда Сладковский ее писал, здесь жило множество племен и народов, и каждый имел свои легенды. Все они переплетались одна с другой, и многие имели корни в действительности. Как легенда о капитане Покревском.

– А что это такое? – спросила Кора.

– Эта история случилась здесь поздней осенью 1920 года, когда красные взяли штурмом перекопские укрепления и устремились к морю. Здесь, в Крыму, скопилась большая армия белых, множество гражданских лиц... и вот по мере того, как красные двигались на юг, положение в Крыму становилось все более отчаянным...

– Следовало заключить мир, – сказал поэт Валик. – Как Алая и Белая розы.

– Обе стороны в той войне так ненавидели друг друга, что о мире и речи быть не могло до полной победы одних или других.

– И кто победил? – спросил Карик.

– Красные, красные, – быстро сказал композитор Миша. – И правили этой страной много лет.

– Конечно же, – сказала Вероника. – И что же здесь случилось?

– Отряд Махно гнался за эскадроном капитана Покревского от самого Бахчисарая. Капитан доскакал до этой крепости, и вот здесь, где мы стоим, его настигли. Тогда он направил своего коня через парапет – вон туда, в море! Конь послушно совершил гигантский прыжок. И

этот прыжок был виден многим... Капитан прыгнул, но не долетел до моря. Его конь разбился о камни... но без всадника.

– Он превратился в чайку, – сообщила Вероника. – Как та принцесса.

Вероника попыталась засмеяться, но ее никто не поддержал.

– Я пошла, – сказала бабушка. – И если вы не верите моему рассказу, то можете заглянуть в большой труд «Были и легенды Крыма». Ее написал Муслимов. Она есть в любой библиотеке. Там приводится легенда о капитане Покревском.

– Все же легенда! – торжествующе заявила Вероника, как будто одержала победу над невидимым противником.

Старушка пожала плечами и покинула компанию: она спешила фиксировать повадки местных орлов и соколов.

Остальные некоторое время стояли на месте бывшей крепости, а потом решили вернуться к морю. Чтобы еще раз выкупаться перед ужином.

Так и сделали.

* * *

Кора встретила бабушку, наблюдательницу за хищными птицами, тем же вечером, возле танцевальной эстрады. Туда, в парк, стягивались жители и отдыхающие Симеиза от мала до велика, независимо от того, умели ли они танцевать либо их просто тянуло к людям, когда воздух становился синим и густым от гудения цикад, горизонт исчезал, съеденный темнотой, и мир съеживался до пределов ближайших фонарей.

Старушка сидела на скамеечке возле эстрады, наслаждалась легкой музыкой и не спеша обсасывала пышный ком мороженого, норовивший стечь по вафле конического стаканчика.

– Простите, – Кора присела рядом с ней. – Но, может быть, тот капитан упал в кусты у моря – там осыпь и кустарник.

– Ваша трезвая хорошенькая головка не хочет мириться с легендами, – засмеялась старушка. – Я также была к ним скептически настроена. Тогда еще я отыскивала сына одного из тех, кто гнался за капитаном. И легенда получила для меня неожиданное воплощение в виде старого горбатого пенсионера; он тысячу раз слышал эту историю от своего отца. Оказывается, когда этот капитан прыгнул на своем коне с обрыва, этот безумный поступок видели рыбаки, что скучали в лодках в бухте. Неподалеку от берега в тот момент проходил авизо – то есть посыльный корабль из Севастополя. И с борта этого корабля также был виден самоубийственный акт белогвардейца. Кстати, он был описан в севастопольской газете «Голос Тавриды» и в «Симферопольских новостях». И все в один голос утверждают, что до моря капитан не долетел и на камни у берега не падал. Десятки людей видели, как он буквально растворился в воздухе. Одно мгновение – он летит... Следующее – воздух пуст! Представляете?

– Нет, – призналась Кора, – не представляю.

– Единственное разумное объяснение, – сказала бабушка, хрустя стаканчиком, – это превращение Покревского в птицу. В орла.

Кора поняла, что бабушка предпочитает верить в легенду. Что ж, ее дело. Надо уважать или по крайней мере не высмеивать старческие причуды.

– Вы хорошая девочка, – сказала старуха. – Другая на вашем месте не удержалась бы от издевки.

– Мне уже приходилось видеть разные чудеса, – сказала Кора. – Это я только кажусь молодой. На самом деле внутри я старше вас.

– Чудесно сказано! – обрадовалась бабушка. – И сколько же тебе лет, моя старушка?

– Мне скоро будет двадцать. А моей подруге Веронике уже исполнилось.

– Вы студентки?

– Да, мы учимся в Суриковском институте. Это был такой древний живописец, хотя как художника я его не признаю.

– Я слышала о нем, – согласилась бабушка. – Он хороший колорист.

– Он никуда не годный колорист, – возразила Кора, – потому что подчинял художественные задачи задачам социальным, а это смерть для искусства.

– И Вероника учится с тобой?

– А где же еще? – удивилась Кора. – Мы с ней вместе жили в детском доме и вместе оттуда вырвались...

– Разве в наши дни есть детские дома?

– Для галактических найденышей.

– Ах, помню! Я где-то читала об этом. И кажется, одна из воспитанниц стала наследницей какого-то сказочного состояния.

– К сожалению, не я, – ответила Кора. – Но к счастью – Вероника. Ее папа был самым крупным филателистом в Солнечной системе. Он погиб, а Вероника живет теперь на проценты с коллекции. Но ведь скучно просто так сидеть. Поэтому она решила стать самой обыкновенной.

– Правильно, – согласилась старушка. – Вот я по происхождению, например, из семьи Романовых. И прихожусь правнучкой последнему претенденту на престол. То есть я живая носительница романовских генов.

– Так займите престол! Никто не будет возражать!

– Будут, – сказала бабушка. – Завистники всегда найдутся. К тому же престол стоит в Петербурге, а мне больше нравится крымский климат.

Бравый моряк из местных, возможно, из севастопольского флота-музея, пригласил Кору танцевать и принялся не в такт рассказывать ей о том, насколько она красива. Кора попросила его говорить комплименты в такт, но у морехода не нашлось музыкального слуха.

Когда она вернулась к скамейке, наследница престола уже ушла, и Кора, оказалось, не знала ее имени. А ведь наследниц престола следует именовать по имени-отчеству.

Потом Кора отыскала инженера Всеволода. При свете фонарей его лицо казалось более суровым, чем днем. Глаза спрятались под крутыми надбровными дугами.

– Вы не танцуете? – спросила Кора. Музыка замолкла, цикады вопили хором, стараясь заполнить паузу. В кустах заверещала незнакомая птица.

– Я давно не танцевал, – сказал инженер. – Танцы изменились. Даже смешно. Между нами гигантская разница в возрасте. По крайней мере, с вашей стороны.

– Лет десять, – сказала Кора. – Я уже догадалась, что это вовсе не разница. Пушкин был куда старше Наталии Николаевны.

– И чем все это кончилось... – заметил инженер. У него были красивые руки с длинными сильными пальцами, как у хирурга или взломщика сейфов.

Тут же, конечно, возникла Вероника. Словно поджидала в кустах.

– Всеволод не будет танцевать, – сообщила она подруге. – Мы хотели пойти к морю. Пошли, Сева.

Вероника засмеялась нарочито низким голосом соблазнительницы.

Кора презирала инженера, который тут же покорно позволил себя увести по темной аллее к морю. Темные аллеи – где-то ей попадалось такое название. Наверное, американский фильм ужасов.

...Темные аллеи. Почему, когда тебе нравится мужчина, сразу возникает какая-нибудь пустоголовая Вероника, которая переползает с курса на курс только потому, что умеет мило улыбаться стареньким сластолюбивым доцентам или намекать на свое бешеное богатство пожилым дамам-преподавательницам. А сама...

Кора постаралась остановить в себе поток мелкой ненависти к подруге. Не нужен ей этот инженер, который еще толком не успел произойти от гориллы. И пускай он не изображает из себя интеллигента – у него это получается неубедительно. Так же неубедительно, как его заверения в том, что он умеет изобретать махолеты и птицелеты – аппараты девичьей мечты...

Но от таких чувств инженеры не возвращаются. Они остаются на берегу моря в обществе твоей чернокудрой Вероники, которая, надо признать, первой заявила свои права, застолбила этот участок дикой растительности с сомнительными золотыми россыпями.

Опять появился моряк. Глаза у него пылали – он готов был переплыть Черное море ради любви такой девушки, как Кора. Но Коре не хотелось, чтобы случайные моряки плавали ночами по Черному морю. И она пошла домой.

Вероника заявила поздно, когда Коре уже удалось себя усыпить и даже сердце не билось от ревнивого бессилия. Надо отдать Веронике должное, она была достаточно уверена в себе, чтобы не придумывать подвигов, которых не было.

– Я ему говорю: послушайте, как бьется мое сердце, – доносилось сквозь сон. – А он убирает руку с моей высокой груди и рассказывает о том, насколько махолет экономичнее флера... Я ему предлагаю искупаться в первозданном виде, а он отвечает, что не хотел бы меня смущать. У него начисто атрофировано чувство юмора. Ну что ж, впереди еще почти месяц. Неужели я не сломаю его сопротивления и не уложу его к себе на грудь, в лучших борцовских традициях?

Кора не ответила, ибо любой ответ был бы или груб, или неискренен.

Вероника ушла к себе и скоро погасила свет. Кора подумала, как она любит подругу, но больше, когда той не везет в любви.

* * *

С утра обнаружилось, что инженер Всеволод исчез. Уехал в Симферополь получать свои летучие игрушки. Обещал быть к вечеру, чтобы завтра их продемонстрировать друзьям. Он решил испытывать их над обширным склоном Ай-Петри, где воздушные потоки разнообразны и опасны, что и требуется для настоящего испытателя.

И день тоже не задался: ветер дул такой, что гнал по полого идущей к центру поселка улице листву и ветки, где-то выше он набирал звук, оттого гудел, как эолова арфа. Кора подозревала, что он гудит, как эолова арфа, хотя никогда ее не слышала и даже не видела.

Ветер был злым, горячим и сушил кожу, будто прилетел из какой-нибудь Сахары, которой нет дела до наших отдыхающих. На Веронику такая погода оказывала удручающее влияние. Когда же она, заявившись на пляж, не обнаружила там Всеволода, то тут же заявила, что забыла дома недосмотренную кассету и жить без нее не может. Она вызвала из Симферополя аэротакси, чтобы поскорее долететь до Москвы. Миша Гофман упрямился ее сопровождать: его ждали в Москве творческие дела. Поступок Вероники в мгновение ока разрушил иллюзию замкнутости крымского мирка – он оказался лишь тем, чем был на самом деле, – продолжением настоящего мира, щупальцем действительности. И за это Кора была обижена на Веронику – ведь обещали друг дружке ни за что не мотать в столицу, иначе отдых не получится.

У моря было неудобно, о купании и речи не шло, зеленая возлюбленная охотника Гранта почему-то плакала, Кора решила, что она жалеет своих родных, убитых Грантом по ошибке. Потом Грант ее увел. Кора тоже потихоньку сбежала от остальных и пошла наверх, к Птичьей крепости. Бог знает, что ее туда влекло – может, просто хотелось посидеть с бабушкой, послушать ее низкий надтреснутый голос знатной дамы.

Наверху, на скамейке над обрывом, никого не было. Но лежала открытая книжка – аккуратный репринт «Опасных связей». Кора почему-то решила, что оставить его могла лишь старушка, имя которой ей так захотелось узнать.

Кора уселась на скамейке – небо было огромным. По нему неслись рваные, суматошные облака, будто спасались от ненастья.

Пахло дождем, но облаков на него не хватило. Они лишь пугали ливнем.

– Кора, – раздался знакомый голос. – Давно не виделись, моя девочка.

Рядом с ней на скамейку уселся сам комиссар Милодар, начальник земного отдела ИнтерГпола, то есть ИнтерГалактической полиции, человек, от одного имени которого падали в обморок известные разбойники и наркобароны. Коварный, но справедливый, осторожный, но отважный, вездесущий, но неуловимый, жестокий к врагам и не всегда справедливый к друзьям, Милодар был личностью удивительной, порождением сложностей, достижений и проблем двадцать первого века.

Кора была знакома с комиссаром, потому что росла на Детском острове, в приюте для галактических сирот, детей, подобранных или найденных черт знает в каких уголках Галактики и неизвестно откуда произошедших. Этих детей побаивались, потому что было неизвестно, почему и кто их подкинул нашей хрупкой цивилизации. И бывали случаи, когда опасения оказывались обоснованными.

Этот приют подчинялся ИнтерГполу, и потому Милодар сам курировал остров, подстегивая и воодушевляя работавших там психологов и генетиков. Три года назад, когда решался вопрос о наследстве Вероники, комиссару потребовалась добровольная помощь Кору. Кора в ходе этого приключения неоднократно рисковала жизнью, но вышла из испытаний с честью. Отпуская Кору на волю и даже выполнив обещание – установив ее настоящее имя и найдя ей бабушку Настю на Земле, Милодар пообещал (либо пригрозил), что их встреча – не последняя. Из такого материала, как Кора, и делаются агенты ИнтерГпола. День наступит, утверждал комиссар, и Кора добровольно или почти добровольно станет сотрудником ИнтерГпола. Но пока этот момент еще не наступил...

– А вы что здесь делаете? – спросила Кора Милодара. – Тоже отдыхаете?

– Это было бы преувеличением, – признался Милодар. – Но я бы отдал месяц жизни за то, чтобы сейчас отдохнуть недели две.

– А разве у вас не бывает отпуска? – спросила девушка.

Она даже вдруг пожалела, что эту встречу не наблюдает инженер Всеволод. Хотя откуда ему знать, что скромного вида невысокий мужчина с копной курчавых черных с проседью кудрей – на самом деле всемогущий комиссар Милодар?

– Покой нам только снится, – ответил какой-то цитатой комиссар.

Коре показалось, что воздух чуть шевелится над торчащей коленкой облаченного в шорты и футболку комиссара.

– Это вы или ваша голограмма? – спросила Кора.

– Есть вещи, которые не обсуждаются даже с агентом, – ответил Милодар.

Тогда Кора не стала обсуждать облик комиссара, а спросила:

– Если вы не отдыхаете, значит, вы на работе. И кого мы ловим?

– Мы никого не ловим, – ответил Милодар. – Мы встревожены.

– Чем?

– Возможной встречей с параллельным миром, – ответил комиссар. – Еще этого мне не хватало!

Он не стал уточнять проблему, но предупредил Кору:

– Ты мне можешь понадобиться, девочка.

Тут же вскочил со скамейки и поспешил к кустам, сквозь которые Кора увидела знакомую фигуру последней Романовой. Старушка скромно дожидалась комиссара, и тот на ходу крикнул ей:

– Ну куда пропала, Ксения? Не могу же я терять день из-за твоих причуд...

– Это не причуды, мой мальчик, а моя работа, – ответила бабушка.

Беседуя с ней, комиссар удалился по тропинке.

Оказывается, они знакомы! Как тесен мир, и никому, кроме Вероники, об этом не расскажешь. Впрочем, какой смысл ей говорить, когда она вся погружена в свои сердечные дела? Да и вряд ли комиссар обрадуется, если Кора будет рассказывать о встрече с ним. Ведь главный принцип ИнтерГпола – держи язык за зубами. И если бы можно было это нарисовать, наверное, язык за зубами стал бы гербом этой организации.

А старушка хороша! Наблюдательница за хищными птицами! Нет, она наблюдала за совсем другими хищниками! Но не пошутил ли Милодар? Если принять его слова всерьез, то окажется, что среди нас появились существа из параллельного мира? А кто это? Как их можно увидеть? И какова роль Ксении Романовой?

Кора поглядела в небо. В вышине, под самыми несущимися вдоль обрыва облаками, металась чайки. Бабушка наблюдала за хищными птицами... А может быть, эти птицы и есть вестники из неведомого мира?

Шуршали листья, где-то посыпались камни, ударил колокол в далекой церкви. Мир казался таким устоявшимся и надежным, а параллельных миров не бывает.

* * *

Все беглецы возвратились к ночи. Первой – Вероника, она купила в Москве настоящую греческую тунику, а также сандалии и диадему – центр греческой торговли на Арбате изготавлял их так, что без экспертизы от настоящих не отличишь. Почему Веронике показалось, что именно туника склонит к ней сердце сурового инженера, было неизвестно. В тунике она, правда, была очень хороша, но Тамара, квартирная хозяйка, отнеслась к ней критически и спросила: правда ли, что в Древней Греции девицы не носили нижнего белья? Вероника поклялась, что это было именно так, что не помешало грекам создать великолепную скульптуру и философию. Тамара вспомнила, что греческая скульптура вся раздетая, и ушла на кухню греметь посудой.

Инженер вернулся затемно, но позвонил из пансионата, в котором остановился. Подошла к телефону Кора, он не скрывал радости, что слышит ее голос, и Кора подумала, как неправильно путать резкость крупных черт с грубостью. Ничего грубого в лице инженера она не усмотрела.

На телефонный звонок прибежала Вероника – она, видимо, ждала его и не ложилась спать.

Она была в новой тунике, правая грудь обнажена, волосы собраны в пучок и спереди украшены диадемой. Кора была вынуждена с сожалением признать, что ее богатая подруга сказочно прекрасна. Она отошла от телефона, и настроение ее резко упало.

Вероника воскликнула:

– Куда ты пропал, Сева! Мне столько нужно тебе рассказать!

Кора ушла к себе в комнату, ей не хотелось слышать, как Вероника обольщает инженера.

Понимая, что она преувеличивает уровень разврата своей подруги, Кора не намеревалась изменять формулировки. И если бы ей сейчас пришлось писать воспоминания о жизни в Симеизе, она бы написала о событиях той ночи именно такую фразу.

Кора улеглась, откуда-то прилетел комар невероятной хитрости и злобы, жизнь не удалась, и не мешало бы завершить ее элегантным самоубийством, кинуться с обрыва у Птичьей крепости на глазах у всех знакомых. И на пути вниз желательно превратиться в чайку. Впрочем, нет, чайки слишком крикливы и наглы. Может быть, ей лучше превратиться в орла? В орлицу, которая может часами, почти не шевеля крыльями, парить над восходящими воздушными потоками. И ее дом будет располагаться высоко на обрыве, куда не заберется даже ловкий охотник Грант...

Так она и заснула, не решив, какой птицей станет, когда покончит с собой, а утром Вероника проснулась раньше и была возбуждена, радостна и суетлива, ну точно как чайка, несущаяся за пароходом, с которого ей кидают кусочки хлеба. Туника была снова надета так, чтобы одна грудь была обнажена, и Тамара Ивановна, поглядев на нее, спросила:

– Чой-то ты сегодня такая разнузданная?

– Ты не понимаешь, так ее полагается носить, – ответила Вероника, с наслаждением вгрызаясь в арбуз.

– Наверное, чтобы младенца удобней подкладывать, – заметила хозяйка без очевидного юмора, но Вероника тунику поправила и отказалась от мысли произвести сенсацию на пляже, так как не была готова к выкармливанию младенца, а воображение у нее было хорошо развито.

Тамара не успела испортить Веронике настроение, потому что снизу закричал композитор Миша Гофман:

– Девушки, не спать! Петушок пропел давно! Через полчаса Сева начнет испытания своего махолета!

Тут словно кто-то сильно уколол Веронику – иного сравнения Кора отыскать не смогла, – скорость ее движения увеличилась втрое, но пользы от этого было немного, потому что туника страшно мешала красить губы и одновременно завязывать длинные шнурки сандалий. Булавки, которыми крепилась диадема, дружно закатились под ванну... Кора ждать ее не стала, и Вероника неслась за приятелями в гору, припадая на босую ногу, туника обнажила все, что обнажать не следовало, но окутала шелковым туманом все пристойные части тела.

Когда Вероника, пылающая гневом, вбежала на площадку Птичьей крепости и затормозила, диадема слетела с головы, и в отчаянном прыжке ее поймала возлюбленная охотника Гранта, которая прыгнула за ней к обрыву и повисла на одной зеленой ручке, удержавшись за висячий корень. Бабушка Ксения Романова тут же кинула ей конец своего шарфа, за который с другой стороны уцепился охотник Грант, вытянувший возлюбленную на площадку. Ни Кломдидиди, ни Грант не произнесли во время этого приключения ни слова, лишь взяли потом за руки в знак взаимного расположения.

– Спасибо, – коротко ответила Вероника, которая мало что заметила, потому что смотрела в небо, выискивая своего инженера.

Инженер пришел пешком – с тыла. Он поздоровался и сказал, что его махолет собирают на шоссе, чуть повыше крепости, и желающие могут им полюбоваться. Будучи человеком воспитанным, инженер спросил бабушку Романову, не мешает ли он ее исследованиям, и та ответила, что, напротив, ей это интересно, а науке полезно знать, как реагируют коршуны на полеты махолетов.

Инженер ушел на шоссе, и остальные, включая приведшую себя в порядок и соблазнительную донельзя Веронику, отправились следом.

Там на обочине, в траве, лежали части хрупкой машины, верней, не машины, а типичной авиамодели, которые делают школьники и даже устраивают между собой соревнования. Разумеется, что бы ты ни собрал из таких планочек, оно человека не поднимет. Видно, иначе рассуждал молодой человек ученого вида, который оказался ассистентом Всеволода и как раз в тот момент раскрыл плоский чемоданчик и вытащил из него паутинку, что поместилась у него в кулаке, как это делают фокусники. Затем он раскрыл костлявый кулак, и паутинка превратилась в занавес, которым можно было обклеить планочки.

– Мечта человечества, – сообщил Миша Гофман. – Я хотел бы воспеть момент, когда человек воистину превращается в птицу. Без этих вонючих или пожирающих кислород двигателей. Да здравствует Икар!

– Спасибо, – сказал серьезный инженер. – Сравнение с Икаром, Михаил Львович, я принимаю лишь из уважения к вашему песенному творчеству. В ином случае сравнение было бы мне неприятно и даже опасно ввиду ранней кончины Икара.

– О господи! – ахнул композитор. – Я же в переносном смысле, в смысле общего героического образа.

– К тому же, – продолжал спорить с ним Всеволод, – я всегда уделяю первостепенное внимание соображениям безопасности, потому что хочу довести свою работу до конца, и нет ничего глупее, чем сорвать ее, не учтя такого пустяка, как точка плавления воска при приближении к Солнцу.

Пожалуй, Вероника и тут не догадалась, что испытатель шутит, потому что она как фурия накинулась на композитора.

– Как ты можешь! – закричала она. – В такой жизненный момент!

Пока Миша отбивался от нее, инженер с помощником осторожно воссоздали хрупкую птицу, натягивая паутину, которая оказалась весьма прочной. Нашлась работа и зрителям, и все с удовольствием ею занялись, опять же за исключением композитора, который был ленив и к тому же живот не позволял ему свободно наклоняться, и Вероники, которая во всеуслышание заявила, что не может увеличивать риск для человека, которого она ценит и уважает, залезая своими неопытными руками в чрево его создания. Так она и сказала, Кора далеко не сразу поняла, почему у подруги возникли ассоциации с абортom, но потом решила, что Веронику порой подводит недостаток образования, которое она пытается компенсировать небольшим житейским опытом. Ах, если бы она поменьше сбегала с уроков с мальчиками на Детском острове!

Часам к десяти махолет был собран, Всеволод разделся до плавок, потому что в случае неудачного спуска мог упасть в море, а там любой костюм – лишний. Старушка первой пошла в крепость, откуда лучше всего было наблюдать за испытаниями, там у нее на скамеечке лежала видеокамера, которая фиксировала птичьи полеты. Остальные дождались, пока инженер Всеволод Той вертикально прижал к себе одно крыло, а его помощник сделал то же самое со вторым, и, покачиваясь от порывов ветра, они отправились вверх по склону. Там, за громадной кубической скалой, инженер прикрепил к себе крылья, и помощник его вышел на открытое пространство и долго стоял, ожидая, пока ветер утихнет. Наконец он дождался паузы и закричал:

– Давайте, Сева!

Всеволод выбежал из-за скалы и тут же сделал сильное движение руками. Крылья подхватили его, как ладони мужчины подхватывают котенка, и оторвали от земли. Инженер совершал плавательные движения ногами, а крылья служили ему как средство для планирования. Все же, даже несильно двигая ими, он понемногу стал подниматься вверх. Там, наверху, ветер дул иначе, и Всеволод направился к морю. Коре хотелось крикнуть, хорошо ли ему одному в такой вышине, не страшно ли. Но это было глупое желание, и оно, к сожалению, перекликалось с мыслями Вероники, которая сообщила окружающим:

– Наверное, я этого не переживу. Какое счастье, если Сева вернется живым. Это же безумие, правда, это безумие.

– Безумству храбрых, – сообщил композитор Миша, нашпигованный забытыми цитатами, – поем мы гимны.

– Очень впечатляет, – сказала Вероника.

– Кажется, эти слова принадлежат Лермонтову. Я когда-то хотел написать на них кантату.

– Погодите же! – огрызнулся вдруг долговязый, бледный поэт Карик. – Вы мешаете наслаждаться зрелищем!

– Наслаждайтесь. Кто вам мешает! – обиделся композитор. – Я же только говорю, а не махаю руками, как некоторые.

Кора пошла к крепости – скоро Всеволод долетит до нее.

В крепости уже была бабушка из семьи Романовых, которая снимала полет Всеволода на видео. Кора сразу поглядела вниз, через парапет – на море. Там, среди белых барашков, покачивалось зернышко тмина – вторая лодка с наблюдателем.

Кора кинула взгляд в сторону кустов, посмотрела на скалы за осыпавшейся стеной – нет, комиссара Милодара нигде не видно. Сегодняшние события его не интересуют.

И тут махолет инженера появился из-за скалы. Он держал курс на крепость. Было очевидно, что Всеволод видит стоящую там Кору и направляется именно к ней, – Вероника пока задержалась у дороги, то ли выясняя отношения с композитором, то ли приводя в очередной раз в порядок свой туалет. Конечно, инженер мог направляться и к старушке, но вот он подлетел поближе и, мерно взмахивая громадными крыльями, крикнул:

– Кора, привет!

Тут уж никаких сомнений о том, что он видит именно ее, не оставалось.

– Привет! – Кора подняла руку, радуясь его достижениям. – Тебе хорошо?

– Хорошо! – Ветер донес ответ и тут же рывком умчал его вдаль. Инженер с трудом удержал равновесие, и его пронесло близко от Кору. Он смеялся и наслаждался птичьим полетом.

– Я готова в него влюбиться! – воскликнула бабушка из семейства Романовых. Но, кроме Кору, никто не услышал этого признания.

Площадка крепости наполнилась народом во главе с Вероникой. Все прибежали сюда. Но Всеволод уже взмыл так высоко, что казался орлом или коршуном, реющим над склоном горы.

– Спускайтесь! – кричала Вероника. – У вас устанут руки.

– Не беспокойтесь, – возразил ей ассистент инженера, – мы это предусмотрели. Руки лежат на специальных салазках.

Выждав паузу в порывах ветра, Всеволод решил еще раз спуститься к своим друзьям. Он начал снижаться кругами, и полет его был плавным и даже торжественным. По крайней мере, так казалось Коре.

Вот человек-птица, совершая очередной круг, приближается к обрыву, на вершине которого приютились развалины Птичьей крепости, вот он снова берет курс к морю, и под ним разверзается пропасть глубиной в сотни метров...

И тут случилось нечто ужасное!

Шквал или просто удар налетевшей воздушной массы оказался неожиданным для инженера, и он не успел развернуть крыло, чтобы взмыть на воздушной волне. Ударив в крыло, волна завернула руку пилота, и Всеволод на секунду потерял равновесие. Этого было достаточно для того, чтобы ветер добрался до второго крыла и, переворачивая человека, отломал часть крыла, пустив по небу клочья паутины, словно носовые платки.

В какое-то мгновение громадная и уверенная в себе птица превратилась в непонятно куда стремящийся комок планок, тряпок и человеческой плоти... Комок еще двигался по инерции, но он был тяжелее той ноши, которую смогла бы выдержать воздушная стихия.

И новый Икар сначала вроде бы медленно, но с каждым мгновением набирая скорость, ринулся вниз, в полосу, где волны разбивались о камни у подножия скалы.

Одно тягучее мгновение – и чем его измеришь – долями секунды? – все стояли, ошарашенные виденным, словно прилипшие к камню, неспособные произнести ни звука... Но в тот момент, когда тело инженера, опутанное остатками махолета, стремясь к смерти, пролетело мимо крепости, все ожили и с общим, неслышным их ушам криком кинулись к глыбам парапета, отделявшим крепость от бесконечного обрыва. И все увидели, как, медленно поворачиваясь, но притом набирая скорость, тело инженера летит вниз...

Но оно не долетело до воды и не подняло фонтан брызг...

Оно не долетело до прибрежных камней и не распласталось на них мягкой куклой.

Оно исчезло, не долетев до земли нескольких метров.

Некоторые видели в этой точке маленькую, но яркую вспышку.

Иные утверждали, что там возникло туманное облачко – так же мгновенно рассеявшееся. Но все сходились в убеждении, что видели то место и знали тот момент, когда инженер исчез, как исчезли и остатки махолета, которыми было опутано его тело.

* * *

Дальнейшее происходило как бы параллельными потоками, и Кора запомнила все отрывками – впрочем, такими отрывками события и возникали.

Сначала начала кричать Вероника.

– Не уберегли! – кричала она. – Не уберегли!

Убереечь мог лишь нескладный ассистент, и он сразу же полез через остатки стены, намереваясь кинуться следом за шефом и, видно, поискать его в воздухе.

Охотник Грант схватил ассистента за пояс и потянул на себя.

Бабушка Романова вызывала по рации комиссара Милодара.

Поэты побежали по тропинке к берегу, чтобы там отыскать останки воздухоплавателя.

Затем охотник Грант извлек из-за пояса тонкую нить и, привязав к ней грузик, кинул с обрыва. Катушка в его руке мгновенно раскрутилась. Его зеленая возлюбленная достала откуда-то перчатки и, лишь касаясь перчатками нити, полетела вниз, с обрыва. Кора увидела, как из-под ее ладоней вырывается дымок.

Лодка, в которой был напарник бабушки, достигла берега и носилась вдоль линии прибоя, выискивая следы Всеволода.

Через несколько минут, а может, и меньше, показался флаер комиссара Милодара, который пронесся над их головами и затем пошел вниз, почти касаясь обрыва. Он замер на узкой полоске, отделявшей скалу от моря, и все видели малюсенькую фигурку комиссара, который о чем-то разговаривал с зеленой Кломдидиди, затем повернулся к сидевшему в лодке наблюдателю.

Вся эта деятельность, к которой потом подключились морские спасатели и горноспасатели, ни к чему не привела. Крепость осталась верна себе: еще одна ее жертва превратилась в птицу.

Иного объяснения найти не удалось.

Хотя некоторые следы Всеволода обнаружили. Например, щепка от махолета и клочки паутины, зацепившиеся за камни и кусты на обрыве. Но не более того.

Через два часа комиссар Милодар поднялся к развалинам крепости, которые как бы стали местом сбора всех свидетелей этой трагедии, и сообщил, что, по мнению полиции, которая, разумеется, не прекращает поисков тела, воздухоплаватель Всеволод Той был унесен неожиданным сильным порывом ветра в море, а зрители упустили его из вида, потому что в тот момент им светило в лицо солнце, специально выглянувшее для этого из-за облаков.

Никто не поверил Милодару, тем более что мало кто догадался, к какой организации он принадлежит. Но все предпочли сделать вид, что поверили, – ведь никакого иного объяснения, кроме мистического, никто предложить не мог.

Мистическое объяснение тем вечером предложила Вероника.

– Он вернется, – сообщила она доверительно, – он похищен духами горы. Эта легенда, которую рассказывала старуха, вовсе не легенда. Она и есть вестница духов. Ты видела, как она его еще вчера заманивала? Это все заговор темных сил, и я уверена, что мы должны найти в Симферополе Ахмета Вселенского. Он управляет астральными силами. Я видела его рекламу на вокзале в Симферополе.

Кора устало слушала Веронику. Она понимала, что с Всеволодом случилось нечто ужасное, никак не связанное ни с астральными силами, ни с Ахметом из Симферополя... Она отлично помнила слова Милодара о параллельном мире, которые он обронил за день до тра-

гедии. Она понимала, что наблюдатели, бывшие в крепости и на море, также искали разгадку явлений, которые могут быть связаны с легендами, а могут быть независимы от них. Но сейчас надо обязательно встретиться с Милодаром, который, улетаая, приказал Коре ждать и молчать... Хорошо ждать и молчать большому начальнику, который занят тысячами других дел... А здесь вся вторая половина дня прошла под гнетом случившейся смерти.

Компания в тот день распалась – как будто на самом деле ее цементировал Всеволод, а не две московские красавицы. Впрочем, кто сейчас может рассказать правду?

Кора ждала появления Милодара.

Ей почему-то показалось, что тот придет вечером попозже.

Вероника заснула рано, она всыпала в себя чуть ли не смертельную дозу снотворного и теперь блаженно храпела за перегородкой. Но Коре не спалось, и она вышла в сад. В доме у Тамары бурчал телевизор и порой кидал отблеск цветного пламени на черную листву. Цикады звенели прямо в ушах, иногда снизу доносились удары волн – море раскачалось от ветра, и теперь, в безветрии, тугие валы мерно молотили по берегу.

Закрыв глаза, Кора вновь видела, как исчезает, вспыхнув холодным огоньком, Всеволод... Скорее бы приходил Милодар...

* * *

Кору разбудило нежное прикосновение – так мама будила ее, чтобы покормить... «Господи, – подумала Кора, просыпаясь, поднимаясь из глубин сна, – я же не должна помнить, как моя мама меня будила...»

Было темно. Луна освещала край столика у кровати и часы. Зеленые цифры секунд, равномерно возникая на циферблате, подчеркивали размеренность и спокойное течение ночи.

– Кора, вставай, – прошептала бабушка Романова. – Мы ждем тебя.

Кора попыталась резким движением сесть на кровати, но бабушка Ксения Михайловна удержала ее.

– Одевайся тихо-тихо и выходи. Никто не должен тебя заметить.

Кора натянула сарафан, сунула ноги в тапочки и ступила из двери на площадку перед домиком. Дверь в комнату Вероники была приоткрыта. Вероника невнятно заговорила во сне.

Распогодилось, облака утихомирили свой бег, стали серыми и прозрачными – длинными тряпками они тянулись по черному небу, которое над морем на востоке начало розоветь. Вчерашняя непогода выгнала теплый воздух, и потому было зябко и сыро. Цикады молчали, видно, попрятались по норкам. Неуверенно запела наверху птица и оборвала мелодию.

Небольшой флаер покачивался в воздухе перед самым домом – шагах в пяти. Отсвет от приборной доски очерчивал лицо пилота, который прищурившись глядел на Кору – наверное, ее светлый сарафан был ему ясно виден.

– Пошли! Не закрывай дверь. Ты скоро вернешься.

Следом за старушкой, которая была резва не по годам, Кора поднялась во флаер по лесенке, лежавшей концом на дорожке.

– Комиссар ждет нас у себя, – сказала бабушка.

Во флаере стало тесно. Зато он был совершенно беззвучным и его нельзя было ни толком увидеть, ни засечь приборами – резиновая игрушка.

Кора мечтала вычистить зубы, для нее это главное после сна.

– Потерпи пять минут, – ответила ее мыслям бабушка. – Там все есть.

Оболочка флаера была прозрачной, но в такую темень от этого было мало пользы: порой пролетали снаружи огни, цепочки огней, вспышки, порой наваливалась тьма, что-то заблестело под светом прожектора – на мгновение заложило уши, видно, изменилось давление. И тут же

флаер замер, улегшись на бетон, и слышно было, как сзади с громким шорохом закрываются ворота. Они пробрались в пещеру Али-Бабы.

Дверца флаера отошла в сторону, комиссар Милодар собственной голографической персоной встречал их, стоя на бетонной площадке выбитого в горе ангара. Почему-то Коре вспомнился какой-то роман Жюль Верна. Там герои обосновались в просторной пещере, чтобы укрыть в ней воздушный корабль или базу подводных лодок.

В глубине пещеры, за стеной кипарисов, виднелась белая стена дворца. Туда и пошел Милодар, понимая, что гости последуют за ним.

Дабы удовлетворить любопытство Кору, он на ходу деловито разъяснял:

– Этот дом отдыха был построен в конце двадцатого века на месте часовенки при целебном источнике, открытом лично поэтом Пушкиным и затем забытом до двадцатых годов прошлого века, когда здесь обосновался руководитель крымского ОГПУ, превративший часовенку в место встреч с негласными агентами. Однако он был переведен с повышением в Самару, не успев никому рассказать о своей тайне, так как его там вскоре расстреляли. Часовня была вновь открыта партизанами в период немецкой оккупации. Партизаны рыли из пещеры ход к Керчи, на соединение с частями полковника Брежнева, но их выдал фашистам местный фотограф. В следующий раз пещеру открыли краеведы, которые шли по местам боевой славы в поисках железных крестов и эсэсовских кинжалов. Слух о пещере дошел до Симферополя. Здесь была построена спецвилла для отдыха руководства. Последние сто лет мы используем пещеру как секретную базу Галактической полиции. Отсюда я курирую операцию, способную оказать влияние на судьбу всей Галактики.

Рассказ Милодара подошел к концу как раз в тот момент, когда они, миновав аллею кипарисов, росших под искусственным светом, вошли в стеклянные двери белого дворца.

Офицер безопасности отдал им честь и исчез в коридоре. Милодар провел бабушку и Кору в гостиную, где вокруг низкого журнального столика у незажженного камина стояли обширные мягкие кресла и диваны, предназначенные для официально-дружеских бесед. Обивка кресел была старинной, лиловые розы на коричневом фоне. От кресел пахло пылью и давно выветрившимися отечественными духами «Красная Москва». В креслах сидели двое вельмож, настолько незаметной внешности, что Кора не узнала бы их, встретив через полчаса. Они дружно склонили головы, приветствуя вошедших.

Указав дамам на два свободных кресла, Милодар уселся на последнее свободное место и спросил:

– Кому чай, кому кофе?

В ответ раздался неразборчивый гул голосов. Подождав, пока все выскажут свои пожелания, Кора сказала:

– Полцарства за рукомойник и зубную щетку.

– Пройди по коридору, вторая дверь направо.

Когда Кора вернулась, в камине уже горел электронный костер, незаметные вельможи пили кофе, а бабушка – чай из большой фарфоровой чашки. Милодар передал чашку и Коре. Удовлетворенный тем, что обо всех позаботился, он заговорил:

– То, что люди имеют обыкновение пропадать, всем и давно известно. В любом мире, на любой планете статистика определяет точный процент таких исчезновений. Причины тому вполне реальные. Поисками пропавших лиц занимается полиция и находит столько, сколько положено найти. Остальные сгнивают, растворяются в воде или в кислоте. Каждому свое.

Незаметные вельможи согласно кивнули. Эта проблема была ими изучена.

– Однако современные службы безопасности внимательно следят за статистикой исчезновений, потому что любое увеличение числа пропавших должно вызывать подозрение. Теоретически уже давно доказано существование параллельных миров. Однако нам, несмотря на

то что этой проблемой занимаются ведущие специалисты, проникнуть ни в один из параллельных миров не удалось. Мы, конечно, туда проникнем, дайте нам время, проникнем!

Незаметные личности согласно кивнули. Они верили в силу науки.

– Наука наукой, – продолжал комиссар, – а жизнь берет свое.

Произнеся эту странную фразу, комиссар допил кофе и поставил чашку на столик. Остальные гости последовали его примеру. Лишь бабушка и Кора продолжали мирно прихлебывать чай, жалея о том, что на столе нет ни печенья, ни варенья, ни даже сахара.

– В нашем распоряжении находится совершенно секретное исследование доктора дю Грие, проживающего в Галактическом центре, который доказывает, что один из возможных параллельных миров находится с нами в контакте и, возможно, существует перемещение между нашими мирами.

– Не может быть! – вдруг воскликнула бабушка из семейства Романовых. Но Коре показалось, что в этом восклицании был элемент театрального действия: ей хотелось обратить на себя внимание.

– Может быть, – сурово произнес Милодар. – И как вы сами отлично знаете, Ксения Михайловна, одна из точек соприкосновения миров находится именно в районе поселка Симеиз, чуть ниже точки, условно именуемой Птичьей крепостью. То есть, точнее говоря, в районе обрыва, соединяющего крепость с поверхностью Черного моря.

Никто на этот раз не удивился, словно проблема уже обсуждалась в этой компании.

Милодар подтвердил подозрения Кору, продолжив:

– О параллельном мире мы не раз уже совещались и провели большую исследовательскую работу. Даже более того, вчерашний эпизод нам был очень полезен.

– Какой эпизод? – спросила Кора.

– Вы знаете какой, – ответил Милодар. – Переход инженера Всеволода Тоя в параллельный мир.

– Значит, он не погиб? – обрадовалась Кора.

– У нас нет оснований подозревать его в этом, – откликнулся Милодар.

– Но если миры соприкасаются и он попал в параллельный мир, – сказала Кора, – значит, он мог разбиться там?

Все замолчали, обдумывая информацию.

Кора же представила себе два мира – наш и тот, неведомый. Они казались ей схожими с двумя мыльными пузырями, которые соприкасаются, и их разъединяет лишь тонкая мыльная радужная пленка. И вот некто всемогущий пронзает стенку тончайшей иглой, настолько тонкой, что пузыри не лопаются. Хотя в масштабах Земли это отверстие может достигать нескольких метров в диаметре. Впрочем, любые сравнения в теоретической физике наивны и беспредметны, так как отверстие в то же время может быть не отверстием, а черт знает чем.

– Вернее всего, он не разбился, – ответил Милодар Коре и самому себе. – Вернее всего, наш инженер жив. Как живы и те, кто попал в параллельный мир раньше через тот же переходной туннель.

– Название условно, – уточнил один из незаметных вельмож.

– Разумеется, все условно, – согласился Милодар. – К сожалению, мы мало знаем и потому почти бессильны.

– Мы уже знаем, что они существуют и отказываются от контактов, – сказала бабушка. – А это уже тревожная информация.

– Почему они не идут на контакт? Откуда вы об этом знаете? – спросила Кора. Раз ее сюда пригласили, значит, им нечего от нее скрывать.

– По всем нашим расчетам, – сказал Милодар, – выходит, что обитатели параллельного мира отлично знают о нашем существовании. Более того, люди, которые попадают туда, попа-

дают не случайно – требуется определенный расход энергии для того, чтобы человек перешел из мира в мир. Мы еще не знаем, как это сделать. Но они-то знают!

– Не слишком ли много выводов вы делаете из одного случая? – спросила Кора. Хоть ей и хотелось, конечно, чтобы инженер был жив, пускай даже в параллельном мире. Но она была рассудительной девушкой и понимала, что теория теорией, а есть еще и равнодушная действительность.

– Почему из одного случая? – спросил Милодар.

– Но ведь только инженер Той исчез, когда падал возле скалы.

Тут пришла пора удивляться старушке.

– А как же та девушка, которая кинулась со скалы и превратилась в птицу? А как же капитан Покревский, который прыгнул из крепости вместе с конем? А как же все легенды, которые связаны с исчезновением людей и превращением их в птиц?

– Но ведь это легенды! – воскликнула Кора. – И даже если что-то было, то тысячу лет назад. Мы-то тут при чем?

– Погодите, – остановил готовую ответить бабушку Милодар. – Порой мы говорим о чем-то, думая, что слушатель знает столько же, сколько и мы. А слушатель может не знать, что для обитателей параллельного мира пространственно-временные связи действуют совсем иначе, чем у нас. Это для нас девушка кинулась в море две тысячи лет назад. А для них... – Милодар неопределенно показал вверх, – наше время не существует. Для них что тысяча лет назад, что сегодня – все является единовременным.

– Но этого не может быть! – воспротивилась Кора.

– Почему? – Милодар пожал плечами. – Ты же веришь в путешествие во времени?

– Каждый школьник в это верит, – ответила Кора.

– Для параллельного мира соприкосновение с нами – одновременно соприкосновение со всей суммой миновавшего у нас времени.

– Это не очень понятно, – сказала Кора, – но я не буду спорить.

– Правильно. Этим ты сэкономишь наше и свое время. Тебе достаточно понять, что все те документированные и отраженные в легендах случаи исчезновения людей в районе Птичьей крепости, вернее всего, являются следствием сознательной деятельности ученых параллельного мира, которые получили возможность как бы перетаскивать наших людей к себе.

– Вы уверены в этом? – Кора нашла слабое место в аргументации комиссара.

– Конечно, нет! – ответил за комиссара один из незаметных людей. – Мы ни в чем не уверены. Это только теория. И нам ее надо подкрепить экспериментом.

Он замолчал, словно выговорился на неделю вперед.

– Мы обязаны поставить эксперимент, – подхватил эстафетную палочку Милодар. – Мы должны попасть туда, к ним, и понять, как они это делают, что они могут и зачем им это нужно. Затем мы должны дать возможность гражданам Галактической Федерации возвратиться домой.

Произнося этот монолог, Милодар встал на цыпочки, надул грудь и стал похож на настоящего трибуна.

– В ином случае нам может угрожать опасность, – тихо сказал второй из незаметных вельмож.

– То, что нам неизвестно, дает преимущество сопернику и потому угрожает нам, – пояснил первый незаметный вельможа.

– Мы обязаны послать туда человека, который все узнает и постарается возвратиться живым.

– Правильно, – согласился второй незаметный вельможа.

– Мы подумали, – сказал Милодар, и тут у Кору упало сердце: зачем он так на нее смотрит? – Мы посоветовались и решили предложить эту почетную задачу тебе, Кора Орват. И эта

экспедиция в параллельный мир будет одновременно зачтена испытанием для тебя при зачислении в штат ИнтерГПола в качестве полевого агента.

– Мне? В параллельный мир? – тупо повторила Кора. – Это еще почему?

– Потому что ты – лучший кандидат для такой авантюры, – ответил Милодар. – Ты молода, пока еще не так боишься смерти...

– Я боюсь смерти!

– Не перебивать! Пока ты еще не так, как я, боишься смерти, ты легкомысленна, что свойственно молодости. Очертя голову ты кинешься в эту авантюру.

– Ни в коем случае!

– Во-вторых, ты, как ни парадоксально, обладаешь довольно холодным умом и трезвой головой, что странно для твоего возраста...

– Перестаньте меня анализировать! Как будто я какой-то подопытный кролик!

– Сравнение закономерно, – согласился комиссар, и незаметные вельможи закивали, соглашаясь. Им тоже казалось, что комиссар относится к Коре, как к препарированному кролику, однако они не имели ничего против. – Но от этого оно не становится менее абстрактным. Мне сейчас плевать, кролик ты или гиена, меня волнует одно – судьба Земли. И учти, Кора, я чувствую, что в ближайшие двадцать лет судьба Земли неоднократно будет находиться в твоих руках, и не дай бог тебе ее хоть раз уронить на пол!

Кора чуть было не улыбнулась, потому что трагедия в устах комиссара умудрялась граничить с фарсом и лишь сам комиссар этого не замечал.

– Как же я это сделаю? – спросила Кора. – У меня нет махолета, и я не умею летать.

– Это пустяки, – отмахнулся комиссар. – Программу приманки разработают специалисты. Но в принципе все уже решено.

– Что?

– Тебе придется прыгнуть с обрыва.

– Как так?

– Прыгнешь с обрыва, и будем надеяться, что они там, в параллельном мире, тебя подхватят и перетащат к себе.

– Вы понимаете, что говорите, комиссар? – возмутилась Кора и с внутренним трепетом поняла, что никто в комнате ее не поддерживает. Даже бабушка Романова внимательно разглядывала мокрое пятно на потолке – видно, где-то в пещере протекало.

– Я отлично понимаю, – сухо ответил Милодар. – А тебе еще предстоит понять.

– Вы хотите, чтобы я кидалась с обрыва, как покинутая лицеистка, в расчете на то, что в каком-то другом, возможно, несуществующем мире меня заметят, спасут и будут лелеять. А если у них мертвый час? А если они не успеют? А если их, в конце концов, и нет на свете?

– Все возможно, – произнес один из незаметных вельмож. – Все возможно.

И глубоко вздохнул, сочувствуя Коре. Но не более того.

– И почему вы не можете вызвать добровольца из рядов вашей отважной организации? Разве у вас мало добровольцев?

– Где они? – спросил заинтересованно комиссар.

– Вот, – Кора обвела рукой комнату, и незаметные вельможи тут же утонули в креслах – даже голов не видно. Старушка же зашла в таком предсмертном кашле, что стало ясно: ей этой ночи не пережить!

– А я, – произнес Милодар, – не могу пожертвовать собой, потому что владею таким количеством государственных тайн, что на ночь меня приходится укладывать в сейф, чтобы не украли.

Когда никто не засмеялся, комиссар пояснил:

– Это шутка...

Но и это не вызвало смеха.

– А говоря серьезно, – продолжил Милодар, – обратиться к тебе нас заставляет серьезная реальность. Мы имеем основания полагать, что обитатели этого мира имеют возможность наблюдать за нами, по крайней мере, в пределах перехода – скажем, на расстоянии километра от точки соприкосновения миров. Если мы не дураки, то и они тем более не дураки. И они понимают, что появление бабушки Ксении Михайловны с аппаратом по учету птичек и ее кузена в лодке с той же целью – не случайная акция любителей природы. Они могут заподозрить, что раскрыты и находятся под колпаком. Более того, они и меня уже видели раза два-три. Я беседовал с наблюдателями, принимал участие в экспериментах по контролю воздуха, гравитационных направляющих, магнитных полей этого места – ведь мы не первую неделю здесь работаем. И исчезновение инженера Всеволода Тоя – лишь точка, может быть, предпоследняя, в агрессивной деятельности параллельного мира.

Незаметные вельможи, высунувшие головы из мяготи диванов, снова закивали.

– Но раз мы вели наблюдение за деятельностью параллельного мира, то, очевидно, параллельный мир вел за нами куда более пристальное наблюдение. И можно считать небольшим чудом тот факт, что я до сих пор нахожусь рядом с вами, а не ликвидирован противником.

– То есть не ликвидирована твоя голограмма, – заметил первый из незаметных вельмож, что заставило Милодара запнуться и перевести дух. Но затем он продолжал как ни в чем не бывало:

– Нам надо послать туда человека, который не вызовет подозрений в параллельном мире. Поэтому мы организовали приезд сюда Кору Орват, уже испытанной нами некоторое время назад в деле об убийстве на Детском острове.

– Как так организовали мой приезд? – спросила Кора.

– Это потребовало некоторой ловкости с моей стороны, а также знания женской натуры. Последняя из Романовых хмыкнула. Ей было весело!

– Я сама решила сюда ехать, и меня никто не направлял! – воскликнула Кора.

– А если ты постарайся вспомнить, как готовился и происходил ваш отъезд сюда, ты обнаружишь, что к решениям тебя все время подталкивала твоя легкомысленная подруга, которая со свойственной ей глупостью делала вид, что ты все решаешь в вашем тандеме.

– Это было подстроено? – Кора готова была растерзать Веронику.

– Вероника и не подозревает, что находилась под моим влиянием, – скромно заметил комиссар. – Она была слепым оружием в моих лапах. Не осуждай девушку.

Кора не ответила. Она постаралась восстановить в памяти, как же планировалась, обсуждалась и решалась поездка в Симеиз, и, конечно же, не вспомнила достаточно, чтобы поверить Милодару. Впрочем, теперь уже было поздно.

А комиссар между тем продолжал свой монолог:

– Для меня главное заключалось в том, чтобы Кора сама не подозревала о том, что оказалась здесь по моей воле. Она должна была вести себя совершенно естественно. Первые два или три дня гулять вдвоем с подругой по окрестностям, делая вид, что не смотрит на мужчин, которые ей с Вероникой вовсе не нужны...

– Вот именно! – воскликнула Кора, и все засмеялись.

– Затем, – продолжал комиссар, – вокруг двух красоток образовалась самцовая компания...

– А охотник Грант? – возразила Кора, чтобы хоть в чем-то опровергнуть этого самоуверенного комиссара. – Он не имел к нам отношения.

– Не спорю. И должен сказать тебе, что исключение лишь подтверждает общее правило.

– Значит, все было подстроено!

– Все. Вплоть до деталей вашего поведения и первого визита в крепость на скале.

– Значит, у вас в нашей компании был шпион!

– Обязательно! Но не ломай голову, не догадаешься. Главное заключается в том, что ваша компания с точки зрения параллельщиков не вызывает подозрений. Так что ты можешь спокойно прыгать в параллельный мир. Они тебя не обидят. И ты спокойно совершишь подвиг.

– Я не хочу совершать подвигов!

– Кора, милая, – заговорила бабушка из семейства Романовых. – Комиссар на этот раз не шутит и даже не преувеличивает. В самом деле, ты – часть обширного и серьезного плана спасения нашей родной планеты, а может, и всей Галактической Федерации от почти неизвестного и, возможно, всемогущего агрессора. Параллельный мир с неизвестными нам целями нащупал место перехода. Он уже активно использует его, похищая земных людей. Не сегодня завтра оттуда в наш мир могут хлынуть агрессоры, против которых мы не знаем противоядия.

– Но, может, они с самыми хорошими целями?

– Не перебивай старых! – рявкнул Милодар, но бабушка Ксения Михайловна подняла руку, останавливая комиссара.

– Ты задала правильный вопрос, девочка, – сказала она. – Но по законам космических контактов цивилизация, имеющая благородные цели, всегда первым делом старается наладить контакт. Капитан Кук вез с собой бусы для туземцев, а мы записывали биотоки мозга дельфинов. Если же цивилизация совершает действия, но не идет на контакт, значит, дело плохо.

– Плохо дело, – подтвердил один из незаметных вельмож.

– Но мы не можем позволить себе вызвать их подозрения, – продолжала старушка, которая явно была не просто наблюдателем за птицами. В те дни Кора еще не знала, что Ксения Михайловна в ее девяносто лет уверенно руководит Галактической службой безопасности, в которую, в частности, входит и ИнтерПол.

– Мы вынуждены были разработать операцию по внедрению в чужой мир нашего агента. Разработка не завершена, но исчезновение инженера Всеволода заставляет нас торопиться. Боюсь, что время на исходе – мы можем ждать неблагоприятного для нас развития событий в любой момент. Вы, Кора, должны стать глазами и ушами Земли – вы должны узнать планы противника и сорвать их или хотя бы довести до нашего сведения.

– Ну уж ты слишком, – сказал второй незаметный вельможа, в котором Кора, конечно же, не могла узнать вице-президента Галактической Федерации по безопасности, серого кардинала Галактики. – Ты, Ксюша, переборщила. Так ты нашего юного агента запугаешь.

Его провокация возымела действие.

– Меня трудно запугать! – сообщила Кора.

– Мне приятно слышать, что ваш агент уверен в себе, – отметила бабушка.

– Мы испытывали Кору в трудных условиях, – самодовольно заявил Милодар. – Она смогла противостоять князю Вольфгангу дю Вольфу и его банде на борту «Сан-Суси». Это не каждому по плечу.

– А вам не было страшно? – спросил незаметный вельможа. Тот, второй, который был комиссаром обороны Галактической Федерации, о чем Кора тоже не догадывалась.

– Я даже об этом и не думала, – призналась Кора. – Но там все было ясно.

– Здесь тоже все ясно, – возразил Милодар, – ты проникнешь в параллельный мир...

– Нам, – перебила комиссара Ксения Михайловна, – хотелось бы получить ваше принципиальное согласие на опасный и рискованный подвиг.

– Земля ждет вашего решения, – поддержал бабушку комиссар обороны Федерации.

– Но неужели у вас никого больше нет?! – попыталась сопротивляться Кора. Впрочем, уже сдаваясь.

– Мы можем подготовить и послать другого агента, – терпеливо объяснила бабушка. – Но нам никогда не отыскать такой же, как вы, хорошенький цветок, бездумный и легкомысленный.

– Я – цветок? – грозно спросила Кора.

– Мы очень надеемся, что вы их в этом убедили. Более нелепое, пустое, глупое времяпрепровождение, чем у вас с Вероникой, придумать трудно, – заявил Милодар. – Когда я проглядывал пленки, мне становилось стыдно, что ты – мой потенциальный сотрудник.

– И что же вам так не понравилось? – агрессивно спросила Кора. – Разве я не имею права отдыхать?

– Кора, – взмолилась мудрая Ксения Михайловна, – не обращайтесь внимания на Милодара. Я знакома с ним тридцать лет – более невоспитанного, грубого и нечуткого человека мне видеть не приходилось. Если бы не его цепкость, упрямство и умение интриговать, никогда не видать бы ему такого высокого поста.

Кора полностью согласилась со старухой.

– Ладно, – сказала она. – Я постараюсь его простить.

– И я только хотел сказать, – заметил серый кардинал Галактики, – что у вас, Кора, будет замечательная возможность спасти отличного инженера и милого человека Всеволода Тоя. Думаю, что ваша подруга Вероника лопнет от зависти.

Кора подняла брови – такого глубокого проникновения в собственную душу она не ожидала ни от одного мужчины. А ей вовсе не хотелось, чтобы мужчины туда проникали.

– Это к делу не относится, – отрезала Кора.

– Правильно, – согласился проницательный кардинал.

– Расскажите мне, что надо делать, – сказала Кора. – Ведь прежде чем согласиться, я должна, по крайней мере, понимать, на что иду.

– На подвиг, – просто сказала Ксения Михайловна.

– Вам все объяснит комиссар Милодар, – сказал комиссар обороны.

* * *

На следующее утро Кора проснулась у себя в комнате и никак не могла сначала сообразить, что же произошло в действительности, а что ей приснилось. Сначала она предположила, что ей приснился трагический полет инженера Всеволода на махолете, но потом она услышала за стеной приглушенные рыдания Вероники и поняла, что это, к сожалению, не так. Нет, сообщила Кора, ей приснились события ночные – визит Ксении Михайловны и беседы с Милодаром... но по мере того, как она просыпалась, все яснее становилось, что и ночную беседу с руководителями безопасности Галактики вряд ли можно считать сном. Неужели она живет в таком сумасшедшем мире и ей грозит путешествие в другой мир, не менее сумасшедший? О нет!

Последний вздох вырвался из нее наружу. И настолько громко, что Вероника перестала рыдать и, забыв одеться, прибежала к ней.

Вероника была встрепанной, глаза красные, заплаканные. «Бедная девочка, – подумала Кора, – второй раз на моей памяти теряет возлюбленного! Как это трудно перенести».

– Ты что? Приснилось что-то страшное? – Вероника еще беспокоилась о ней!

– Извини, если я тебя разбудила, – сказала Кора. – Мне приснился кошмар.

– О Всеволоде, да?

– О Всеволоде.

– Ты думаешь, что он погиб?

– Я надеюсь, что он жив.

– Он превратился в чайку? – горько улыбнулась Вероника.

Кора дала Милодару слово, что никому из приятелей и друзей не скажет о предложении ИнтерГпола. А так хотелось успокоить Веронику.

– Я решила уехать, – сказала Вероника, не дождавшись ответа от Кору.

– Правильно, – ответила Кора.

– Ты поедешь со мной?

– Я поеду в Ялту, – сказала Кора.

«Ну почему я должна скрываться! Зачем я дала слово?»

И сразу вспомнились последние слова Милодара:

«Тебе захочется поделиться с кем-нибудь своей тайной. Скорее всего, с Вероникой. Но прежде чем откроешь рот, пожалуйста, подумай, что от каждого твоего слова на самом деле, без шуток, зависит судьба Земли. Вероника может оказаться не Вероникой, вас может кто-то подслушать... я не знаю, что может еще случиться, я не волшебник, я не знаю, каковы возможности у наших противников. Умоляю тебя – впервые в жизни, – умоляю никому не проронить ни слова...»

– Что ты потеряла в Ялте? – удивилась Вероника.

– Мне хочется еще побыть на юге... но не здесь.

– Может, мне поехать с тобой?

Ну вот, еще этого не хватало!

– Ты лучше иди в душ, – посоветовала Кора.

Вероника потянулась – она загорела за эти несколько дней, следы трусиков ослепительно белели на смуглых обнаженных бедрах. Кора вспомнила почти забытую картинку: она стоит в ярко освещенном таксидермистском музее князя Вольфганга дю Вольфа и смотрит на чучело прелестной акробатки Кларенс, убитой князем... у нее была точно такая же фигура, как у Вероники...

– Не злись, – сказала чуткая Вероника. – Не поеду я с тобой в Ялту. Не буду вмешиваться в твою личную жизнь... Я лучше полечу на Марс, ты знаешь, что я строю там мастерскую. И в труде буду искать утешение.

– Если Всеволод найдет, ему дать твой адрес на Марсе?

– Еще чего не хватало! – Вероника надула пухлые розовые губки. – Я не прощаю мужчин, которые заставили меня страдать.

Вероника убежала в душ. Она быстро утешится, займется марсианскими делами, закружится в обрамлении поклонников – все же первая невеста Марса...

Ночью Милодар сказал, что попытка перехода Кору в параллельный мир будет предпринята через два дня. Но с утра события начали набирать темп.

Завтракали, как всегда, в кафе.

За соседний столик уселась Ксения Михайловна. Все стали с ней здороваться. Ксения Михайловна была печальна.

– Я была против спешки, – сказала она, когда Вероника отошла к общему самовару. – Но лететь придется сегодня.

Кора не поверила бабушке. Она уже догадалась, что лицемерие – достоинство шпиона. А старушка состояла в шпионках лет семьдесят.

Не дождавшись ответной теплой реакции от кролика, бабушка быстро прошептала:

– Отстанешь от остальных на большой аллее. Тебя будут ждать. Ясно?

– Ясно, – ответила Кора, в тот момент она их всех ненавидела, и лишь гордость не позволяла ей улететь из Крыма первым же рейсом.

После завтрака все пошли к морю. В то утро никто не шутил, не смеялся, как будто инженер мог услышать и рассердиться.

Кора сказала Веронике, что забыла дома книжку, которую хотела дочитать, и, подождав, пока все скрылись за поворотом, медленно пошла обратно.

– Кора, – шепотом позвала ее скамейка. Милодар скрывался за ней в плотно сбитом из жестких листочков кусте. – Садись. Делай вид, что загораешь.

Кора уселась на скамейку. Сделать вид, что загораешь, было трудно, потому что скамейка стояла в густой тени.

– Есть указание Галактического центра, – продолжал шептать Милодар. – Операция считается срочной. Подготовка сокращается. В три часа мы совершаем переход.

– Как так? – испугалась Кора. – Я не готова.

– Ждать нельзя.

– Но я совсем не готова.

– Сейчас ты поднимешься со скамейки и пройдешь направо по аллее до статуи Аполлона. Зайдешь за статую и остановишься. Ясно?

– А можно завтра? – заныла Кора в ужасе от неотвратимости операции. Будто ей сообщили, что поход к зубному врачу переносится с послезавтрашнего дня на сегодня.

– Вставай и иди! – приказал Милодар.

Коре ничего не оставалось, как встать и идти.

Она дошла до белой мраморной статуи Аполлона. Затем обошла ее. На аллее никого, к счастью, не было. За спиной Аполлона, который стоял на цветнике, был канализационный люк. По требованию интуиции Кора на него встала. И в тот же момент люк ухнул вниз. Она даже не успела протянуть руки, чтобы ухватиться за край колодца.

Как только крышка люка сбросила с себя наездницу, она, в нарушение законов гравитации, ринулась вверх и, заняв законное место, отрезала Кору от дневного света. К счастью, девушка не ушиблась, потому что на дне колодца ее подхватили крепкие руки невидимого в темноте мужчины.

Свет зажегся. Она стояла на бетонном полу тоннеля.

– С прибытием, – сказал толстенький, круглый композитор Миша Гофман.

– А ты что здесь делаешь? – удивилась Кора. – Ты же был в столовой.

– Извини, что не представился сразу. Мне только сейчас комиссар сказал, что ты трудись в нашей фирме, – сказал Миша. – Я думал, ты штатская, просто телка.

– И ошибся, – произнес Милодар. – А в людях надо разбираться. Кора – наш постоянный сотрудник. Имеет благодарность командования за ликвидацию банды Карлуши дю Вольфа.

– Ну, прости, коллега, – повторил Миша. И взгляд его, прежде рассеянный и легкомысленный, теперь лучился товарищеским теплом. А Кора, которая совсем недавно с негодованием отвергала саму возможность сотрудничества с полицией, почувствовала это приятное тепло. Всегда лестно выглядеть значительной в чужих глазах, даже в глазах полицейского агента.

– Мальчики, девочки, – призвал к порядку Милодар. – Срочно идем в центр подготовки к полетам. У нас в распоряжении три часа. После этого Кора уходит в параллельный мир.

– Нет, – возмутился Миша Гофман. – Так поступать нельзя. Несмотря на ваши уверения, комиссар, я знаю, что Кора не готовилась специально к полевым операциям.

– Она создана для полевых операций!

– Я не позволю рисковать жизнью прекрасной девушки!

Кора тепло поглядела на Мишу Гофмана. И хоть песенник был значительно ниже ее ростом и толст, Кора подумала, что не внешность определяет качества мужчины. Ведь и Тамерлан, и Наполеон были невелики росточком. А какие женщины извивались у их ног!

Милодар между тем быстро уходил низким туннелем. Туннель был выбит в скале, он наверняка нес разумную функцию, будучи коллектором для различных сетей – по нему тянулись разного рода кабели и трубы, – а кроме того, служил средством сообщения для работников разведок и секретных служб. Особенно он пригодился во время операции «Параллельный мир».

Однако центр управления операцией располагался не в узком и тесном туннеле, а дальше, в подвале виллы «Ксения», куда они и добрались метров через двести.

Подвал виллы «Ксения», как объяснил по пути Милодар, долгие годы использовался как склад магазина, занимавшего первый этаж виллы. Теперь ввиду опасности склад был неза-

метно переведен на третий этаж, а в обширном подвале расположились приборы подслушивания и подсматривания, которые держали под контролем как Птичью крепость, так и близкую к обрыву часть моря.

У компьютеров и экранов сидели сотрудники ИнтерГпола, и никто из них не обернулся, когда Милодар и его спутники вошли в зал. Лишь высокий старик с бородкой, как у американского дяди Сэма, в голубом халате, строевым шагом приблизился к Милодару, протянул ему распечатку и сообщил:

– Здесь последние данные по напряжению поля и утечке масс.

Милодар сделал вид, что внимательно проглядывает цифры, затем положил лист на ближайший стол и обратился к старику:

– Это все приятно! Я бы сказал, убедительно. Но вы мне лучше скажите: можем ли мы посылать нашего сотрудника на смертельный риск?

Голос Милодара дрогнул, и крепкими пальцами он схватил Кору за локоть и подвинул к высокому старику, словно тот был должен получше разглядеть страдальцу.

Но Кора уже начала привыкать к тому, что заявления комиссара Милодара всегда требуют эмоциональной корректировки и совсем не соответствуют тому трагическому содержанию, которое он в них вкладывает.

– Принципиальных перемен не произошло, – ответил старик. – Но присутствие постороннего мощного поля мы продолжаем измерять.

– То есть они не ушли, не закрыли дыру?

Старик с козлиной бородкой, словно охваченный сомнением, обернулся к мигающим экранам и минуты две внимательно их разглядывал, медленно продвигаясь вдоль их строя.

– Все нормально, – уверил он Милодара. – Они здесь.

– Для меня это как гора с плеч, – сообщил Милодар. – А то кинешь сотрудницу с обрыва, а они ее подхватить забудут.

– Кого это вы вздумали кидать, комиссар? – спросил старик.

– Она здесь, моя бедная девочка, – ответил комиссар. – Кидать будем ее.

– Может быть, обойдемся без такого жестокого способа? – спросила, криво усмехнувшись, Кора.

– Другого мы не видим, – ответил Милодар. – Обрати внимание, существует закономерность – наши соседи по-своему гуманны. Насколько нам известно, они еще не утащили у нас ни одного человека, который, скажем, вышел погулять по дороге. По крайней мере, нам такие случаи неизвестны. Они хватают и утаскивают к себе тех типов, которые по той или иной причине оказываются на грани смерти.

– У вас только один пример – инженер Всеволод Той, – сказала Кора.

– Чепуха! Ты забываешь, чему тебя учили. Почти наверняка для тех, кто вытаскивает наших соотечественников, время не представляет непроницаемого барьера. Во взаимодействии наших миров им все равно – произошло ли событие тысячу лет назад или только вчера. Им важно место действия. А вот время им безразлично. И это великое открытие!

– Не понимаю, – искренне произнесла Кора. – Я, правда, по физике в школе выше четверки не поднималась, но, наверное, мои школьные успехи здесь не играют роли?

– Разумеется, не играют, – согласился дядя Сэм. – Но, честно говоря, я не выношу отличников.

– Как я вас понимаю! – обрадовалась Кора.

– Ну что, наговорились? – спросил Милодар. – Тогда пойдем к медикам. Нам нельзя терять ни минуты.

Медики занимали соседний подвал. В подвале недавно находился склад парфюмерного магазина, в нем еще пахло мылом и шампунем. Стены были покрыты блестящей белой краской,

и это было не очень приятно, потому что свет ламп отражался от неровностей стен и от этого в глазах мерцало.

Здесь снова возник Миша Гофман. На этот раз он был в одних плавках и лежал на хирургическом столе, направив к потолку опавший животик. Коре, не выносившей ничего медицинского, сразу стало страшно.

– Что вы будете с нами делать? – спросила она слабым голосом.

– Каждому свое, – ответил Милодар. – Я правильно говорю?

Хирург – громила с преувеличенным подбородком и утонувшими в глубоких глазницах глазами – молча кивнул и потом обратился к Мише Гофману:

– Будете терпеть или дадим наркоз?

– А больно? – спросил Миша.

Кора с некоторым облегчением подумала, что не она одна ослабла духом.

– Пошли, пошли, – Милодар потянул Кору в следующее помещение, где ее ждала неожиданная, но приятная встреча.

– Ах! – воскликнуло при виде Кору существо с громадными сетчатыми, словно у стрекозы, глазами, настолько тонкое в талии, что казалось – вот-вот верхняя половина тела отделится от нижней и начнет самостоятельное существование.

– Ванесса! – И тут Кора поняла, что ее старая подруга, чернокожая муха Ванесса, не даст ее в обиду.

Они обнялись с Ванессой, к неудовольствию Милодара, который не терпел задержек.

– Приступайте! – приказал он.

– Мы посоветовались с профессором Пироговым, – сказала Ванесса, – и решили, что постараемся обойтись без имплантаций для Кору Орват.

– Еще чего не хватало! Ведь в этом-то и суть дела, чтобы мы получали через нее информацию.

– Если они достаточно развиты, чтобы пользоваться переходом между параллельными мирами, – загудел украшенный бакенбардами Пирогов, – то они, без сомнения, произведут анализ тела попавшей к ним сотрудницы и обнаружат наши приборы. На этом ее функции закончатся.

– Ничего страшного. Пока они будут проверять и анализировать, – возразил Милодар, – мы будем получать бесценную информацию.

– Но вы погубите агента! – воскликнула Ванесса.

– Этот агент пока не представляет ценности, – ответил Милодар, а когда все присутствующие, кроме Кору, на него зашикали и начали кричать о гуманизме и здравом смысле, Милодар махнул рукой и произнес: – Делайте как знаете! Все здесь умники, а отвечать мне придется!

Затем он ушел из комнаты, и Коре было слышно, как со своего одра Миша Гофман спрашивает его:

– Чего ушли, комиссар? Погодите, мне так хотелось задать вам несколько вопросов! А вы мне ответите – или да, или нет!

Но Милодар не остановился, и его шаги стихли в отдалении...

– Единственное, что мы сделаем, моя дорогая, – прошелестела темнокожая муха Ванесса, – мы внедрим в тебя микроскопический датчик – чтобы знать, что ты жива, и представлять, на каком расстоянии и в каком направлении от нас ты находишься. Хотя, конечно же, эти показатели могут быть неточными: мы же не знаем, искривляется ли пространство в параллельном мире.

– Вот именно, – сказала Кора. – Так что, может, обойдемся без датчика?

– Он мал и сделан из костной ткани зубробизона, так что никакими исследованиями в твоём организме его не отыщешь. А может оказаться, что для твоего спасения необходимо будет знать, где ты находишься.

На этом Кора прекратила сопротивление и позволила произвести над собой экзекуцию – ей дали проглотить махонькую ампулу, в которой и скрывался костяной датчик.

В комнату заглянул Миша. Он был бледен, но бодр.

– Ты тоже будешь проникать в параллельный мир? – спросила Кора, ощутив укол ревности, – ведь это она должна была идти на подвиг ради судеб Галактики.

– Я как твой дублер-космонавт, – ответил Миша Гофман. – Если с тобой что-то случится, не дай бог, конечно, то я пойду следом. Мы же не можем оставить этот объект без контроля.

После окончания операции «заглатывание» Коре ввели комплексную сыворотку от всех известных вирусов и бактерий. Сделано это было на случай, если что-то или кто-то из них встретится там, за поворотом. Затем была сделана еще одна серия уколов – а именно: отныне и в течение месяца потребности Кору в сне, воде и пище будут в десять раз ниже, чем обычно, а жизненный тонус выше.

После этих процедур Кора на полчаса заснула, а очнулась от звука знакомого доброго голоса.

– Пора, Кора, – сказала Ксения Михайловна, склонившись над кушеткой.

Кора легко поднялась с жесткого ложа. Она чувствовала себя так легко и бесплотно, словно стала трехлетней, когда могла пропрыгать весь день без передышки и не почувствовать усталости.

– Я тебе расскажу сценарий перехода, а ты, пожалуйста, возражай мне, спорь – у нас с тобой есть полчаса, чтобы достичь согласия.

– А комиссар Милодар вернется? – спросила Кора.

– Комиссар Милодар улетел, – ответила бабушка. – И это, я думаю, хорошо, потому что он отрицательно действует тебе на нервы в стрессовых ситуациях.

Она лукаво улыбнулась, и Кора искренне сказала:

– Спасибо, Ксения Михайловна.

И тут Кора вспомнила, что она – взрослая, разумная женщина, которой предложили влезть в смертельно опасную авантюру, мотивируя это необходимостью спасти Землю и всю цивилизацию. А на самом деле нажимая на клавишу страсти к приключениям, обнаруженную в ее душе.

– Простите, – обратилась Кора к Ксении Михайловне. – Допустим, что я согласилась и попала в параллельный мир. То есть он существует и даже затягивает людей отсюда. И я туда попала. А дальше что?

– Дальше все просто, как в самом обыкновенном шпионском романе, – ответила бабушка из семейства Романовых. – Ты должна внедриться в тот мир, то есть по возможности понять, что же им от нас нужно, по возможности оценить опасность, которую представляет существование этого мира для Земли. Затем с помощью Миши Гофмана или сама по себе ты должна дать о себе знать. И главное, от тебя требуется вернуться обратно живой и дать возможность себя допросить и исследовать.

– А исследовать-то зачем? – спросила Кора.

– По нескольким причинам, о которых тебе самой положено догадаться. Во-первых, мы должны понять, не стала ли ты жертвой чуждых нам вирусов или болезней, не являешься ли ты биологической опасностью для Земли.

Кора поежилась. Собственная судьба казалась ей куда более печальной, чем еще час назад.

– Во-вторых, – продолжила бабушка железным голосом, – мы должны будем понять, не являешься ли ты агентом, возможно, не подозревающим того агентом чуждого нам мира, не превратилась ли ты в психологическую рабыню? Ведь это было бы опасно, не так ли?

– И если нужно, меня придется уничтожить? – спросила Кора почти серьезно.

И ответ она получила совершенно серьезный:

– Нам бы очень не хотелось тебя уничтожить. Ты хорошая девочка.
– Все ясно, – сказала Кора. – Как я понимаю, моего мнения никто уже не спрашивает!
– Нам бы хотелось, чтобы твое решение было добровольным. А пока ты как ни в чем не бывало пойдешь со всеми обедать.

* * *

Кора пошла обедать со всеми в татарское кафе у нижней дороги.

Миша Гофман, душа компании, был печален – он сказал, что его вызывают в Москву, где его срочное присутствие потребовалось на репетиции Дня Военно-морского флота. Охотник Грант пришел без своей девушки, сказал, что она простудилась. Поэты громко шептались: они задумали играть в буриме в тайной надежде создать поэму о современном Икаре, который превратился в птицу.

Когда они вышли из кафе, у входа увидели толстую женщину в накинутой на плечи кашемировой шали. Женщина продавала пышные георгины.

– Ах, – произнесла Кора выученный по сценарию текст. – Какая прелесть!

Все согласились, что цветы и в самом деле прелесть.

Согласившись, медленно двинулись дальше, рассуждая, куда пойти – к морю или погулять по горам. Такое поведение нарушило сценарий Ксении Михайловны, которая полагала, что кто-то из мужчин обязательно купит букет георгинов у агента Мелании Джонсон, специально доставленной с корзиной цветов из Никитского ботанического сада.

Но Ксения Михайловна надеялась на сообразительность Кору. И не ошиблась.

– Если никто из мужчин не догадается купить нам по цветочку, я это сделаю сама! – воскликнула она и забрала большой букет, по рассеянности забыв даже сделать вид, что платит за цветы.

Это сделал Миша Гофман, догадавшийся к тому времени, что покупка букета входит в генеральный план ИнтерГпола.

Несколько пристыженные мужчины остановились, не зная, то ли купить оставшиеся цветы, то ли возвратить Мише истраченные им небольшие деньги. Пока они размышляли, Кора продолжила игру.

– Вероника, – заявила она. – Я чувствую, что надо сделать с этим букетом!

И тут Вероника, словно прочтя мысли Кору, невольно подыграла ей.

– И я знаю! – сказала она. – Мы отнесем их в Птичью крепость и подарим Всеволоду.

– Вот именно! Подарим Всеволоду.

Кора шла впереди, неся половину букета. На шаг сзади Вероника несла вторую половину. Затем, лениво беседуя о своих делах, шли мужчины.

– Если я сегодня исчезну, – произнесла удивительно чуткая Вероника, – они завтра обо мне забудут.

– Нет, – постаралась утешить ее Кора, – ты слишком красива. Тебя они не сразу забудут.

Вероника замолчала. Она не знала, то ли быть благодарной Коре за признание ее красоты, то ли обидеться на слова «не сразу», означающие в результате, что забвение неизбежно.

Солнце уже согнало с неба утреннюю голубизну – день обещал быть жарким, когда они вышли по тропинке к Птичьей крепости. Площадка, кое-где огороженная сохранившимися с древности каменными плитами, уже нагрелась, пыль, поднимающаяся от шагов, пахла сладко и горячо. Далеко-далеко внизу, синее в тени скалы Дева, замерло море.

Кора не посмела первой подойти к обрыву – это было чувство, заставляющее неопытного парашютиста искать темный уголок в чреве десантного самолета в надежде на то, что тебя не заметят и забудут.

Но краем глаза она не могла не видеть приставшую к компании Ксению Михайловну, еще вчера такую милую и добрую старушку, а сегодня невольно выглядевшую палачом, держащим в руках свернутую веревку.

Зато Вероника, не подозревавшая о том, какие чувства клокочут в головке Кору, смело прошла к самому обрыву и положила букет на каменный барьер, отделявший площадку от пропасти.

– Милый Всеволод, – пропела Вероника, устремив взор в голубизну бесконечности, – если ты астральным образом слышишь нас, то наши чувства и звуки речи доносятся к тебе на Валгаллу.

– Какая начитанная девочка, – счел нужным произнести Миша Гофман. Он-то знал, что такое Валгалла, проходил в хоровом училище на музграмоте. А так как в детском доме музграмоту усердно преподавали всем детям, имевшим музыкальный слух, то Кора тоже знала о Валгалле. Впрочем, как и Вероника.

– Не перебивайте, – огрызнулась Вероника. – Любую песню можно испортить.

– В самом деле, молодой человек... – с укором произнесла Ксения Михайловна.

Кора понимала, что руководительница разведки заинтересована в том, чтобы наивная Вероника создала подобающую для эксперимента атмосферу.

– О, лети наш дар тебе, дорогой летчик, отыщи человека среди облаков и птиц, прижмись к его бесплотному сердцу...

Вероника схватила букет, стала выхватывать из него отдельные крупные цветы и метать их в пространство, как сеятель пшеницу.

– Но они постоянно дежурят? – почему-то спросила Кора, хотя эта проблема уже не раз обсуждалась прошедшей ночью. – Вдруг они не заметят?

– Там есть люди, – прошептала в ответ Ксения Михайловна. – Ты же знаешь, я проследила.

– Мне страшно.

– Я понимаю, но, кроме тебя, этого не сделает никто. А ну, пошла!

Последние слова лучше обращать бы к лошади, но Кора восприняла их покорно, как лошадь. Видно, ей дали какие-то лекарства, подавляющие волю.

Сейчас должна произойти случайность... веселая компания пришла к обрыву, чтобы почтить память исчезнувшего вчера инженера, но тут случилось непредвиденное...

– Пошла! – повторила Ксения Михайловна, не боясь, что ее услышат.

– Постой! – крикнула Кора, вспомнив заученные слова и действия сценария. – Дай мне кинуть. Я тоже хочу!

Она выхватила у Вероники последний цветок и легко вскочила на парапет – каменную плиту. Она кинула цветок далеко и сильно вперед так, чтобы самой потерять равновесие... но в последний момент инстинкт самосохранения оказался сильнее.

Тело ее, уже готовое сорваться с обрыва, начало конвульсивно дергаться на краю пропасти, стараясь удержаться, и, наверное бы, ничего из прыжка в преисподнюю не получилось, если бы не неловкий Миша Гофман, который кинулся сзади к Коре с криком:

– Остановись! Упадешь!

Одним прыжком он оказался возле ног девушки и постарался схватить ее, да так неудачно, что толкнул вперед – достаточно сильно толкнул, чтобы Кора окончательно потеряла равновесие и птицей полетела с обрыва, медленно поворачиваясь в воздухе, словно была не человеком, а ватной куклой, которую подхватил сильный порыв ветра и на мгновение задержал ее падение вниз, как бы стараясь вернуть тело к крепости... но безуспешно. И в страшной роковой тишине, охватившей от ужаса не только людей, но и птиц, и даже насекомых, она стала падать все быстрее, быстрее, стремясь к морю или камням, окаймляющим скалу у воды.

И уже подлетая к воде, тело Кору вспыхнуло ярким светом, настолько ярким, что все, кто в ужасе глядел на это роковое падение, невольно зажмурились. А когда открыли глаза вновь – через секунду, через несколько секунд, от Кору осталось лишь неясное и исчезающее на глазах сияние, вернее, воспоминание о сиянии.

Но море не всколыхнулось от удара о него тела, кровь не расплескалась по камням, оторачивавшим подножие скалы, – и только несколько чаек, испуганных падением девушки, отлетели подальше в небо, и неизвестно было, есть ли среди них дух Кору...

* * *

К счастью, Кора не успела толком сообразить, что погибает, потому что в ее сознании смешались убеждение в собственной безопасности, которое внушала ей Ксения Михайловна, и нормальный ужас человека, которого сбросили с гигантской скалы.

Но по мере того (это заняло десятые доли секунды), как беспомощное тело Кору приближалось к гибели, разум, не в силах преодолеть внутреннего страха перед смертью и справиться с ускорением, отказался видеть и понимать действительность. А снова он включился лишь после того, как Кора разбилась о скалы, утонула в море или превратилась в птицу, – то есть после того, как с ней произошло Нечто...

Кора открыла глаза.

Она лежала на склоне холма или горы, а может, просто на склоне. Возле глаз росла подсыхающая, бурая трава, небо было обыкновенным, летним, может, чуть серее, чем положено. Воздух был жарким... нет, он был иным, чем у нас, на Земле, в него накапали каких-то не очень ароматных добавок, с чем придется мириться. Но в целом никаких особых перемен в мире не произошло – то есть параллельный мир и на самом деле оказался миром параллельным, а не перпендикулярным и не перекошенным, как того можно было опасаться.

Затем Кора поняла, что ушиблась. Все же это было падение – не сильное, не болезненное, но она оцарапала локоть и ударилась лодыжкой о камень.

Кора села, потирая лодыжку.

Вокруг было пусто. Никто на нее не смотрел, никто не кружил над ее головой, если не считать коршуна или подобной ему птицы, парившей высоко над склоном горы, похожей на Ай-Петри.

«Странно, – подумала Кора, – я предполагала, что параллельные миры должны быть идентичны. Я ожидала очутиться в Крыму, в Симеизе, только в несколько ином Симеизе, и даже встретить своих друзей, а может, саму себя...»

Кора села. Солнце было тусклым, будто где-то разыгралась пылевая буря. У ее ног пробежал муравей, совсем такой же, как на Земле, он тащил хвойную иголку, тоже подобную земной. Это как-то утешало. Хотя не исключало существования чудовищ.

Преодолев боль в лодыжке, Кора поднялась. Почему-то она не боялась. Может, потому, что стояла середина дня, лето, светило солнце и муравьи занимались своими делами.

Локоть почти не болел и не кровоточил, лодыжка поскрипывала, но умеренно.

Стоя, Кора огляделась.

Чем-то окружающий пейзаж напоминал крымский, но не пейзаж Симеиза, а более восточные берега, где горы теряют остроту и обрывистость и стекают к морю, как плюхи овсяной каши. Но море оставалось и в параллельном мире – и так же ловило верхушками волн ослепительные зайчики солнца.

Так как никто не спешил пригласить Кору приобщиться к красотам и достижениям нового мира, но никто и не нападал на нее, то ничего не оставалось, как самой пойти наверх, от берега.

Чем выше поднималась Кора, тем становилось жарче и тем злобней жужжали вокруг мухи и слепни, и тем больше ей казалось, что все происходящее с ней – какая-то глупейшая шутка, злой розыгрыш – то ли рожденный с темными целями в недрах полиции, то ли придуманный кем-то из ее спутников по веселой компании.

Первым более-менее крупным существом, встретившимся ей при подъеме, оказался выглянувший из-под камня скорпион – в жизни она еще не встречала на побережье скорпионов. Скорпион был невелик, но напугал Кору до полусмерти, куда больше, чем прыжок с обрыва. Хорошо еще, что ее ночью снабдили одеждой, которая, чтобы не заметили окружающие, была точно такой же, как ее старая одежда, но отличалась прочностью и была приспособлена к экстремальным ситуациям. Туфли, например, внешне были теми же, что вчера, а на самом деле их шершавая подошва, подобно клейкой ленте, могла удержать Кору на вертикальной плоскости скалы или стены. Подошвы были рассчитаны на десять тысяч километров пути по самому отвратительному бездорожью.

Так что Кора, обежав скорпиона по широкой дуге и стараясь не приближаться к подозрительным камням, поспешила выше по склону в надежде выйти на дорогу или к каким-то людям, которые ей наконец все объяснят.

Этот путь привел к осыпи, широкой и светлой, поблескивающей под солнцем. Над осыпью вились мухи, и Кора решила обойти осыпь подальше, потому что если скорпионы, тарантулы и гадюки решили избрать себе убежище, то осыпь была для них оптимальным вариантом.

Но далеко она не убежала, потому что камни в осыпи привлекли ее внимание. Они явно были обработаны, и настолько интересно, что, несмотря на опасность, Кора осторожно подошла к осыпи поближе.

Вся осыпь, достигающая метров двухсот в длину и почти столько же в ширину, состояла из изваянных в мраморе, гипсе и бронзе человеческих голов, а также различных частей тела, принадлежавших большей частью одному человеку, хотя, впрочем, уверенности в том не было. Пожалуй, более всего это было похоже на отвалы мастерской сумасшедшего скульптора, который никак не мог удовлетвориться своей работой и, доведя до совершенства бюст своего постоянного натурщика, приходил в бешенство, бил по нему молотком, а потом сбрасывал с обрыва.

Кора пригляделась к голове, которая сохранилась более других – лишь на носу и волосах были сколы. Голова изображала человека средних лет, с низким выпуклым лбом, короткими, как войлочная нашивка, волосами, большими негритянскими губами и усами под округлым носом. Глаза этого мужчины были малы и глубоко спрятаны под кустистыми бровями.

Чуть далее она увидела лежащую статую того же человека во весь рост. Человек был облачен в некий форменный костюм или мундир и держал руки на животе. Живот выдавался вперед, так что руки проходили под ним, словно помогали телу поддерживать эту тяжесть, чтобы не сползла на колени.

Из груды одинаковых голов торчала рука, указующая в небо. Совершенно очевидно, что в государстве, куда Кора попала, произошла революция и освободившийся от тирании народ сверг памятники душителю свободы. Такое не раз уже происходило на Земле, и до появления следующего мессии или диктатора население государства брело по опасной дорожке демократических свобод, когда монументы не воздвигались. Но то, что для Земли было давней историей, здесь, видно, произошло лишь недавно.

Россыпь статуй и голов убедила Кору, что все же она не жертва шутки, а на самом деле оказалась в параллельном мире.

Когда Кора поднялась выше по склону, к тому месту, откуда изливался поток диктаторских голов, она обнаружила дорогу, правда, запущенную, кое-где заваленную камнями и заросшую травой, но тем не менее самую настоящую асфальтированную дорогу, которая куда-то вела.

Кора направилась по этой дороге на восток, к земной Ялте. Несколько минут она шла без всяких приключений, но когда дорога обогнула выдающийся вперед утес, к своему удивлению, она увидела осыпь из каменных голов и тел, однако на этот раз обнаружила, что все головы и бюсты принадлежат совершенно иному человеку – узколобому и тонкогубому. И что важно – вторая осыпь образовалась куда раньше первой, головы большей частью заросли колючками и сорняками, были присыпаны пылью и землей, словно уже несколько лет солнце, ветер и другие стихии постоянно трудились над превращением этой свалки в каменную осыпь. Этот процесс оказался особо очевидным на третьей осыпи, до которой Кора добралась минут через пять. Головы бородатого, заросшего курчавыми волосами старика, что громадным холмом высились возле дороги и скатывались тысячами до самого моря, пролежали там, видно, многие десятилетия, и для того чтобы разглядеть черты лица давнишнего диктатора, Коре пришлось, присев на корточки, соскребать ссохшуюся землю и отдирать плотный дерн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.